

ЧЕЛОВЭЛЬФ

Вадим Кучеренко

Человэльф

Вадим Кучеренко

Человэльф

«Автор»

2011

Кучеренко В. И.

Человэльф / В. И. Кучеренко — «Автор», 2011 — (Человэльф)

В основу остросюжетного фантастического романа "Человэльф" положена одна из самых загадочных тайн современности – бесследное исчезновение трех смотрителей маяка на острове Эйлин Мор вблизи берегов Шотландии. По одной из версий они стали жертвой эльфов, считающих этот остров своей родиной... Духи природы правят планетой, порождая мировые войны и глобальные экономические кризисы, влияющие на судьбы людей. И жестоко мстят всем, кто нарушает их неписанные законы. Один из них запрещает эльфийке и человеку любить друг друга.. Действие романа происходит во многих странах – России, Шотландии, Германии, Франции, Англии. В романе, среди прочего, дано увлекательное описание природы и обычаев этих стран.

© Кучеренко В. И., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Эйлин Мор	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	61
Глава 12	63
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	74
Глава 16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вадим Кучеренко

Человэльф

Предисловие

Задолго до того, как появились люди, землю населяли духи природы.

Духи обитали в воздухе, на земле и под землей, в глубинах вод, в горах, лесах и пустынях. Эльфы, лешие, водяные, ундины, гномы, юды, гамадриады, пэн-хоу, тэнгу и прочие народы, многие уже вымершие и забытые. По человеческим меркам, они были почти вечны, но и они подчинялись законам природы – рождались, проживали отмеренный им срок и уходили в небытие, неведомое никому из живых существ.

Государственных границ в их современном понимании не было. Но каждый народ имел исконную территорию, которую, расселившись позже по всей планете, считал своей исторической родиной. Лешие – дебри Сихотэ-Алиня, очокочи – горы Кавказа, гномы – полуостров Ютландия, водяные – воды Днепра, эльбсты – швейцарское горное озеро Зеелисберг...

Эльфы почитали родиной крошечный островок Эйлин Мор, один из семи, которые составляют архипелаг Фланнан, расположенный невдалеке от западного побережья современной Шотландии.

Если смотреть со стороны моря, то остров Эйлин Мор напоминает очертаниями гигантскую каменную женщину, которая, устав от долгой жизни и забот, прилегла отдохнуть и уснула вечным сном. Эльфы считают это изваяние, вырубленное из цельного куска скалы самой природой, своей прародительницей. Их предания гласят, что Великая Эльфийка, давшая начало роду эльфов, не обратилась в прах, подобно другим, а окаменела, чтобы иметь возможность, если настанет такое время, восстать из мертвых и защитить свой народ от грозящих ему ужасных бедствий. И где бы эльфы ни были, в каких краях ни скитались, но дважды в год, в дни весеннего и осеннего равноденствия, они возвращались на остров Эйлин Мор и всю ночь, до рассвета, праздновали, танцевали и пели, прославляя Великую Эльфийку. Это своеобразная дань, которую они приносили памяти о ней. И только эльф-отщепенец, отлученный от своего народа, как ребенок от груди матери, и изгнанный навек, мог пренебречь этим ритуалом. Но каждый эльф с рождения знал, что лучше безвременно умереть в страшных муках, чем лишиться права славить Великую Эльфийку на острове Эйлин Мор в сентябре и марте.

Этому ритуалу многие тысячи, а, может быть, миллионы лет. И даже когда на земле появились люди, и духи, не сумев противостоять их нашествию, уступили им многие свои права и территории, эльфы ревниво отстаивали неприкосновенность острова Эйлин Мор. Моряки и рыбаки обходили его стороной, страшась ужасной мести Великой Эльфийки и ее потомства.

Но однажды это хрупкое перемирие было нарушено. Люди решили воздвигнуть на острове Эйлин Мор маяк. Множество крошечных скалистых островков усеивают воды в районе Гебридских островов и западного берега Шотландии, угрожая судоходству. Корабли вынуждены были обходить эти места стороной, удлиняя свой путь на много морских миль и дней. Людям надоело мириться с этим. Практический взгляд на жизнь победил суеверия.

Люди высадились на остров Эйлин Мор в 1895 году от рождества Христова и начали строить маяк. Они не задумывались о последствиях, потому что уже давно считали себя царями природы и забыли, кто такие эльфы и прочие духи. И каких бед от них можно ждать.

Строили маяк четыре года, и расплатились за него многими человеческими жизнями. Уже в первый день упал со строительных лесов и расшибся насмерть один из рабочих. Затем, в ясную тихую погоду, невдалеке от острова перевернулась лодка с четырьмя гребцами, все

утонули. Но это была привычная, и не такая уж дорогая, цена, которую люди обычно платили за освоение новых территорий. Поэтому когда в декабре 1989 года начавший работать маяк впервые обезопасил прибрежные воды, люди посчитали это своей победой над стихией. Но уже через год эльфы страшно отомстили им. При самых загадочных для людей обстоятельствах исчезли сразу три смотрителя маяка.

За минувшие сто с лишним лет догадок, предположений, научных и псевдонаучных гипотез, официальных и частных расследований было столько, что они давно уже погребли под собой надежду узнать, что же в действительности произошло в те декабрьские дни 1900 года на одном из островков крошечного архипелага Фланнан, затерянного в Атлантическом океане в двадцати милях к западу от Гебридских островов. Более-менее правдоподобные сведения можно почерпнуть из архивных материалов Управления северными маяками Внешних Гебрид. И вот что в них говорится.

Остров Эйлин Мор считался самым крупным из семи островов архипелага –шестьсот шагов в одном направлении и триста в другом. Двадцатитрехметровая башня маяка была установлена на холме, и в темную ночь его свет был виден всем морским судам в радиусе тридцати километров, а порой даже с острова Льюиса, лежавшего на тридцать два километра западнее Эйлин Мора.

Когда разыгралась трагедия, на маяке находились три человека – Томас Маршалл, Джеймс Дукат, первый и второй помощники главного смотрителя, и Дональд Макартур, ассистент, носивший прозвище «Случайный». Главный смотритель маяка Джозеф Мур за три недели до того отбыл по служебным делам на материк, а когда вернулся на остров, то не нашел никого из них. О том, что случилось в его отсутствие, он смог узнать только из отрывистых записей, которые заносил в вахтенный журнал Томас Маршалл.

Судя по этим записям, события развивались в течение четырех дней. Все началось 12 декабря, когда задул сильный северо-западный ветер и разыгрался невиданной силы шторм. В полночь какое-то судно, не разглядев светового сигнала маяка и не расслышав его туманного горна, приблизилось к нему настолько, что были видны его освещенные изнутри каюты. Но оно прошло мимо, только волею providения избежав столкновения со скалами. Это так подействовало на Дуката и Макартура, что они начали плакать и молиться, и продолжали делать это все оставшиеся дни. О себе Маршалл ничего не писал до 14 декабря. Только о том, что шторм не прекращается ни днем, ни ночью, наводя на них уныние и ужас. Но вскоре уже все они истово молились, вверяя Богу свои жизни и не надеясь на спасение. А днем 15 декабря шторм внезапно стих. Море успокоилось. «Бог властвует над всеми, и Он смилоостивился над нами» – записал Маршалл. И это была последняя запись в вахтенном журнале.

Ночью 15 декабря капитан проходившего мимо парохода «Арчер» не увидел света маяка и доложил об этом Шотландской береговой охране. Но начавшийся наутро шторм не позволял еще полторы недели высадиться на остров с внезапно потухшим маяком.

Главного смотрителя маяка Джозефа Мура, прибывшего на остров на борту спасательного судна «Герперус» только 26 декабря, еще издали поразил голый флагшток без флага на причале, чего никогда не бывало. Двери и окна башни маяка были закрыты, в служебных помещениях царил образцовый порядок. Фитили в фонарях были чистыми и обрезанными, резервуары полны масла. Всё было подготовлено для зажигания огня с наступлением сумерек. И только людей не было. На острове, который обошли несколько раз, несмотря на его малые размеры, не нашли никого, и даже следов или обрывков одежды, указывающих на то, что могло случиться с ними.

Прочитав вахтенный журнал, Джозеф Мур удивленно воскликнул;

– Странно! Ребята – потомственные моряки, они бы не стали плакать из-за того, что море штормило. И, кроме того, в эти дни в районе Фланнан ни суда, ни береговая служба на острове Льюис никакого шторма не фиксировали.

Шторм, что позже под присягой засвидетельствовал и капитан парохода «Арчер», начался только утром 16 декабря.

А когда Джозеф Мур взглянул на настенные часы в комнате служителей, то увидел, что они остановились в полночь с 15 на 16 декабря. Проверив механизм, главный смотритель убедился, что заводили их недавно, и стрелки замерли по другой, неведомой, причине. Он вышел из башни и окликнул своих товарищей, сам не зная, зачем. И вдруг со скалы взлетели три большие черные птицы, подобных которым никто раньше не видел. С протяжными криками, от которых кровь стыла в жилах даже такого мужественного человека, как главный смотритель Мур, они улетели в сторону моря...

«Герперус» ушел обратно, а бесстрашный Джозеф Мур остался в одиночку управлять маяком. Когда спустя две недели он, дождавшись замены, вернулся на материк, то поклялся, что никогда больше не вернется на остров. По его словам, иногда он явственно слышал отдаленные голоса Маршалла, Макатура и Дуката, которые звали его к себе. Но он не видел никого, даже птиц, чей крик мог бы принять за человеческий голос. Все остальное время стояла гнетущая, неестественная тишина, и казалось, что даже ветер замирает, пролетая над проклятым островом...

Среди множества версий, пытавшихся объяснить произошедшее, была и такая – это месть эльфов, отстаивающих свое вековое право на остров Эйлин Мор.

Часть 1. Эйлин Мор

Глава 1

Многоэтажное, закованное в броню из непрозрачного синего стекла здание в центре Владивостока венчало гигантское электронное табло. По нему медленно, словно утомленная змея, ползла надпись «Приветствуем участников Международного эзотерического конгресса!», повторяясь на всех языках мира, и даже на тех, которые официальная наука считала мертвыми – праиндоевропейском, хаттском, иберийском, этрусском, хараппском и множестве других, не известных людям.

К зданию часто подъезжали шикарные автомобили представительского класса – мерседесы, бентли, ролс ройсы, кадиллаки. Из них выходили белые, черные, желтые и промежуточных между ними оттенков пассажиры, одетые не менее разнообразно – одни по строгой европейской моде, другие в восточном стиле, третьи просто завернутые в цветной кусок ткани, как индианки, а то и в потертых джинсах и ковбойках, на американский манер. Их никто не встречал. Они подходили к запертой двери, на которой висела бронзовая табличка с позолоченной рельефной надписью на русском языке «Не стучать! Вход строго по пропускам». Гости касались своим указательным пальцем таблички, словно были незрячими и пытались прочесть фразу, написанную шрифтом Брайля. Дверь плавно уходила в сторону и пропускала их в прохладный полусумрак вестибюля, затем беззвучно возвращалась на место. Было очевидно, что пройти могли только участники конгресса, чьи отпечатки пальцев заранее внесли в базу данных автоматизированной системы бюро пропусков. Посторонних, и даже вездесущих журналистов, здесь явно не ждали. Высказали это устроители мероприятия не очень дипломатично, но жаловаться было некому.

Город, который населяли по официальной переписи шестьсот тысяч человек, а в действительности вдвое больше, жил своей обычной жизнью, и, казалось, никто не обращал внимания на происходящее. Стремительные людские потоки пересекались с автомобильными, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и пофыркивая моторами на перекрестках, все спешили и были заняты только собой. Владивосток, основанный 150 лет назад на многочисленных сопках полуострова Муравьева-Амурского и омываемый водами Японского моря, был портовым городом, к его причалам приставали суда под флагами разных стран мира, и иностранцы, даже со странностями, были здесь не в диковинку.

Однако это впечатление равнодушия было обманчивым. С самого утра за зданием из синего стекла наблюдали двое мужчин в дешевых мятых костюмах. Их неприметный автомобиль с тонированными стеклами был припаркован чуть наискосок от входа в здание, под запрещающим знаком. Чем-то неуловимым мужчины походили друг на друга как родные братья, несмотря на то, что один был намного старше, массивнее другого, и абсолютно лыс. Любой полицейский мира с первого взгляда признал бы в них своих коллег.

– Ерунда какая-то, – буркнул лысый, когда миновал полдень. – Будь я проклят, если за то время, пока мы здесь, в эту дверь не вошли, по меньшей мере, два десятка президентов и премьер-министров, полсотни звезд мирового шоу-бизнеса и несчетное количество олигархов, политических деятелей и прочих представителей так называемой элиты общества. Как тебе это нравится, лейтенант?

– Если мне что и не нравится, капитан, так это то, что все они только заходят. И никто не выходит. Так не бывает, мамой жены клянусь! – ответил молодой полицейский.

– Бывает, на скотобойне, – ответил капитан, и рассмеялся. Но увидев, что его напарник смотрит на него с недоумением, не поняв шутки, тоже стал серьезен. – А, впрочем, ты прав.

– Хотел бы я знать, капитан, что здесь происходит, – хмуро сказал его напарник.

– В общем-то, ничего такого, из-за чего стоило бы тревожиться и терять наше время. Разрешение мэрии на проведение мероприятия получено, все необходимые формальности соблюдены. Вот только одно мне кажется странно...

Он умолк, рассчитывая, что его попросят продолжить, но лейтенант не проявил любопытства. Вместо этого он достал из бардачка машины какую-то бумажку и помахал ею в воздухе перед носом капитана.

– Только одно?! Да здесь столько странностей, что не перечислить. Вы только посмотрите, что они написали в заявке на мероприятие! – И он прочитал, часто запинаясь: – «Делегаты конференции - известные в своих странах ученые. Они представляют такие ответвления эзотерической науки, как магия, алхимия, астрология, гностицизм, каббала, спиритуализм, теософия, суфизм, теургия, йога, ваджраяна (он же буддийский тантризм), масонство, антропософия, мондиализм и множество других, не получивших распространения за пределами территории, ограниченной государственными границами и, тем не менее, хорошо известных и уважаемых в профессиональном сообществе». Капитан, да у меня даже язык спотыкается, когда я произношу эти слова! Абракадабра какая-то!

– Паранормальные верования, – почти по складам произнес капитан. И в ответ на вопросительный взгляд пояснил: – Так мне наш шеф сказал, когда посылал на это проклятущее задание. А еще добавил – лженаука. И пальцем покрутил у виска.

– Ну, а мы-то что здесь делаем? – возмутился его молодой напарник. – Пусть ученые или попы и разбираются со всей этой чертовщиной. Или я не прав, капитан?

– Может быть, может быть, – неопределенно пробормотал тот. – Но меня лично беспокоит то, что они наотрез отказались от охраны мероприятия полицией. А так точно не бывает. Всегда есть угроза со стороны каких-нибудь экстремистов. Или тех, кому не нравится то, что происходит в современном мире. На любом публичном мероприятии кто-нибудь да устроит акцию протеста. Кричат, размахивают плакатами, бросают тухлые яйца, а то и что похуже. Сколько лет я служу в полиции – по-другому не бывало. А сегодня – ни одного психопата поблизости, как будто они все этой ночью разом вымерли.

– Тишина и покой, как на кладбище, – кивнул лейтенант. – Вы правы, что-то в этом есть такое... Нехорошее!

– То-то и оно, – хмыкнул капитан и раздраженно поскреб свою лысину. – Не нравится мне все это. Похоже на затишье перед бурей, как пишут в газетах.

– А знаете, что я вам скажу, капитан? Мы не будем ждать у моря погоды, – решительно заявил лейтенант. – И пусть они пеняют на себя, если у них что не так. Вы не возражаете, капитан, если я схожу и все разведрую?

Капитан еще раз почесал в раздумье затылок, но все-таки, решившись, кивнул. Ничего не происходило, и ему было очень скучно. А предложение напарника сулило какое-то разнообразие. И лейтенант, выбравшись из автомобиля, направился к зданию. Стояла обычная для Владивостока в мае ясная солнечная погода, на небе не было ни облачка. Но неожиданно подул сильный холодный ветер, словно пытаясь помешать полицейскому. Однако мужчина нагнул голову, согнулся и упрямо продолжил свой путь. Дойдя до закрытой двери и прочитав надпись «Не стучать!», он возмущенно хмыкнул и сильно постучал два или три раза. А затем, не дождавшись никакой реакции, взялся за дверную ручку, выполненную в виде головы какого-то диковиного зверя. И тут же отдернул свою руку, вскрикнув. Из его ладони обильно текла кровь. Придерживая ее другой рукой, лейтенант быстро вернулся к машине. Он был бледен и напуган. Капитан удивленно смотрел на него, ожидая объяснений.

– Эта чертова дверная ручка..., – пробормотал лейтенант. Его била дрожь. Он с ужасом смотрел на свою ладонь. Кровь продолжала течь, пачкая его костюм и салон машины.

– Что с ней не так?

– Она меня укусила! Открыла свою поганую пасть – и...

– Порезался, только и всего, – заявил капитан, брезгливо отодвигаясь. – Все кресло залил кровью, идиот!

– Порезался? – возмутился молодой полицейский. – Смотри! Это, по-твоему, порезался?

Он протянул свою ладонь к самому лицу капитана. Ран было несколько, и они казались похожими на следы, которые остаются после укусов собаки, но более глубокие. Ладонь была прокушена почти насквозь. И она покрывалась багровыми пятнами, словно начала стремительно развиваться гангрена. Пятна поднимались все выше, захватывая уже запястье, и шли дальше, к сгибу локтя.

– Врача! – закричал лейтенант, с ужасом глядя на свою руку. – Капитан, мне нужен врач! Я умираю!

Вдруг капитана тоже охватил необъяснимый панический страх. Дрожащей рукой, и только после третьей попытки, он включил мотор. Автомобиль, взвизгнув тормозами, рванулся с места, оставив на дороге черные полосы от покрышек. Возмущенно загудели, шарахаясь от него, другие машины. Он скрылся за поворотом, сопровождаемый облаком поднятой им пыли...

Грир, который наблюдал за всем происходящим из окна комнаты, расположенной на одном из верхних этажей здания из синего стекла, удовлетворенно хмыкнул.

– Ты был прав, Фергюс, – произнес он весело, – никакая предосторожность не бывает излишней. Но собирать духов в самом центре города, пусть даже этот город на краю света... Скажи мне, Фергюс, это демонстрация нашей силы или нашей глупости? Разве нельзя было...

Тот, к кому он обращался, жестом остановил его и показал на какое-то устройство размером с ладонь, лежавшее перед ним на журнальном столике. Матовый экран прибора тускло и равномерно мерцал.

– Ознакомься, Грир, – произнес он сухим, словно упавший на землю осенний лист, голосом. – Здесь повестка конгресса, которую делегатам предлагает обсудить Совет тринадцати.

Грир отошел от окна, приблизился к столику и грациозным движением склонился над экраном, на котором, как только он прикоснулся к нему, высветились несколько фраз.

ПОВЕСТКА

Международного эзотерического конгресса

ВРЕМЯ: Год 2013-й от Рождества Христова
по человеческому летоисчислению.

МЕСТО: Город Владивосток.

ВОПРОС 1. Необходимость очередного общепланетного экономического кризиса в мире людей.

Докладчик – гном Вигман.

ВОПРОС 2. Важность для духов природы сокращения периодичности международных эзотерических конгрессов со 100 до 50 лет.

Докладчик – эльбст Роналд.

ВОПРОС 3. Проблема маяка Эйлин Мор.

Докладчик – эльф Фергюс.

(Прения дозволяются).

N.B.! Делегатов просят прибыть, приняв образ и подобие человека, во избежание...

Грир не дочитал.

– Nota bene! – презрительно скривил он тонкие губы. – Образ и подобие человека... А вот вам моя резолюция!

Он смахнул устройство для оповещения со столика на пол и наступил на его мерцающий экран ногой.

– Проклятье! – гневно произнес он. – Маяк Эйлин Мор - третьим пунктом! Этим они дают понять, какое значение придают важнейшей для эльфов проблеме. Цветок чертополоха никогда не расцветет на родине эльфов, пока эти тупоголовые снобы из Совета тринадцати суют свой нос в наши дела, ничего в них не понимая.

Фергюс поднял на него свои светлые глаза, в которых нельзя было увидеть даже тени эмоций.

– Ты, кажется, забываешь, Грир, – сказал он тихим бесцветным голосом, – что я также член Совета тринадцати.

– Что ты, Фергюс, – запротестовал Грир. – Как можно! Но, знаешь... Я всегда отдавал дань уважения твоему мастерству игре на волынке. Среди эльфов не найдется равных тебе в этом искусстве. Однако, признаюсь, иногда меня просто поражает твое спокойствие. Давно уже пора обновить состав Совета тринадцати. Об этом говорят все наши союзники – дриады, пикси, лешие...

– Представители глухих провинций, не имеющие ни власти, ни влияния, ни денег, – ответил Фергюс. – В современном мире они мало что значат. Даже гномы, сумевшие скопить несметные сокровища, и те были бы для нас лучшими союзниками. При всем их невежестве, они хорошо понимают, что за все надо платить. Но если заплачено – то отступить нельзя. Кто из твоих дриад не предаст тебя, если им пригрозят отлучением?

– Ты, как обычно, прав, Фергюс, – уныло произнес Грир.

Грир был истинный эльф. Он быстро вспыхивал и так же мгновенно падал духом. Этот порок был характерен для многих эльфов, изнеженных тем образом жизни, который они вели последние тысячелетия. Сменив оружие на музыкальные инструменты, а гимнастические упражнения – на танцы под луной, они вырождались, становясь из поколения в поколение все более безвольными и анемичными. Поэтому они предпочитали общаться с представителями своего народа, игнорируя других. Но с каждым веком на земле оставалось все меньше территорий, которые населяли исключительно эльфы. По сути, Эйлин Мор, их родина, был последним бастионом в этой уже проигранной битве. Вот почему этот остров был так важен для них. Отстаивая его неприкосновенность, они были готовы на многие жертвы. И Грир, капитан морского пакетбота «Летучий Эльф», был одним из вождей Соппротивления, сторонники которого считали своей священной миссией освободить остров Эйлин Мор от захвативших его людей.

– Ты прав, Фергюс, – повторил Грир. – И все же... Я тоже прав, и ты это знаешь.

– Знаю, но, в отличие от тебя, не впадаю ни в эйфорию, ни в отчаяние, – сухо ответил Фергюс. – Это благодаря моим усилиям сегодня будут обсуждать проблему маяка на острове Эйлин Мор. А ведь вопрос хотели отложить еще на сто лет, до следующего конгресса... Кстати, что происходит на Эйлин Мор? Каюсь, я уже давно не бывал на острове.

– Все хорошо, – оживился Грир. – Буквально на днях погиб очередной главный смотритель маяка. Такая незадача – вышел прогуляться и сорвался со скалы. Был человек – и нет человека! Только кровавое месиво.

– Бедняга, – без тени сочувствия произнес Фергюс.

– Ненавижу людей! – скрипнул зубами Грир. – И почему они выбрали для своего проклятого маяка именно наш остров? Мы должны были сразу восстать против них... Но еще не поздно! Одно твоё слово – и маяк погаснет навсегда.

– Это вызовет гнев эльбста Роналда, последствия которого непредсказуемы, – ответил Фергюс. – Ты не хуже меня знаешь, что наш недоумок эльбст и его лизоблюды не хотят войны с людьми. Нет, надо дожидаться официального решения Совета тринадцати. А оно во многом

будет зависеть от мнения, которое выскажут сегодня делегаты конгресса. Теперь ты понимаешь, почему я так много времени и усилий потратил на его подготовку? Ты постоянно несправедливо укорял меня, что я совсем забыл о нашем острове Эйлин Мор.

– Я виноват, признаю, – Грир покаянно склонил голову, прижав руки к груди. С ловкостью фокусника незаметно снял с одного из своих запястий массивный наручный браслет. – И прошу принять от меня в подарок вот этот золотой браслет. Или, быть может, ты предпочтешь отрез тартана на килт?

– У кого ты их отнял, Грир? – спросил Фергюс плоским голосом, в котором не прозвучало ни малейшего осуждения, впрочем, как и других эмоций.

– Признаться, даже сам не знаю, – добродушно улыбнулся Грир, ничуть не обидевшись. – Было темно, как в преисподней, и торговое судно под испанским флагом сбилось с курса. Вся команда была пьяной. Я думаю, они даже не поняли, что их грабят. И пошли на дно в полной уверенности, что это порт в какой-нибудь Валенсии или Малаге. А отрез тартана я еще только собираюсь приобрести – если ты пожелаешь принять его от меня в подарок.

– Нет, – коротко ответил Фергюс, вставая с кресла. – Но я рад, что время ничуть не изменило твоих привычек. Мне пора. Тебя я с собой не приглашаю. Незачем афишировать наше знакомство. Когда ты мне понадобишься, Грир, я извещу тебя.

– Мой предусмотрительный и сверхосторожный друг, – с едва уловимой ноткой презрения произнес Грир. – И такой романтичный!

Он махнул рукой, прощаясь, и ушел, извиваясь всем телом словно змея, отравившая ноги.

Когда дверь за ним закрылась, Фергюс нагнулся и поднял устройство для оповещения с пола. Провел ладонью по его экрану, стирая золотые буквы, померкшие под ногой Грира. Кому-то это могло показаться излишней предосторожностью, но только не ему, Фергюсу, будущему главе Совета XIII, а в настоящем – истинному вождю и вдохновителю Сопротивления, которое противостояло не только людям, но и самому Совету XIII тогда, когда его действия в отношении острова Эйлин Мор были, с их точки зрения, ошибочны.

Фергюс спрятал прибор во внутренний карман, затем надел широкополую шляпу, достав ее из шкафа, равнодушно взглянул в зеркало, отразившее невысокого худощавого мужчину средних лет, которого старила излишняя серьезность, и вышел из комнаты. До лифта в конце коридора надо было пройти несколько шагов. Не успел он сделать и двух, как двери лифта бесшумно распахнулись, из них вышла девушка-эльфийка в строгом деловом костюме, тем не менее, явно купленном в одном из модных французских магазинов женского платья, а, может быть, даже пошитом на заказ у Sonya Rykiel, Jeanne Lanvin или Chloe. Она улыбалась своим мыслям, но, когда увидела Фергюса, улыбка сошла с ее губ. Она почтительно приветствовала эльфа:

– Повелитель Фергюс, рада тебя видеть!

Фергюс, погруженный в свои размышления и не замечавший ничего вокруг, поднял на нее глаза и неожиданно, против своей воли, воскликнул:

– Арлайн!

Девушка удивленно взглянула на него.

– Ты ошибаешься, повелитель Фергюс, – сказала она. – Меня зовут Катриона. Арлайн – это имя моей матери. Все говорят, что мы с ней очень похожи. У меня есть медальон с ее изображением. Хочешь взглянуть?

Медальон висел на витой золотой цепочке на шее девушки, спускаясь в уютную ложбинку между грудей. Она достала его и уже собиралась открыть, но Фергюс решительно запротестовал.

– Нет, нет, не надо! Мне достаточно видеть тебя.

– Ты был знаком с ней?

– Нет, я ошибся, ты права, – ответил Фергюс. Голос его снова был черств, как заплесневелый сухарь. – Приношу свои извинения.

– Что ты, повелитель Фергюс, – ответила девушка. – Всегда к твоим услугам.

– Приму это к сведению, Катриона. Ты прибыла сюда в составе какой-то делегации? – спросил Фергюс.

– Я полномочный представитель посольства суверенного государства Эльфландия, – с гордостью ответила она. – Премьер-министр Лахлан послал меня за тобой. Все уже собрались и ждут только тебя, чтобы начать конгресс.

– Какая честь, – пробормотал Фергюс. – Так идем же.

Они вошли в лифт, и те несколько мгновений, пока кабина спускалась вниз, Фергюс проехал с полужакрытыми глазами, чтобы не смотреть на девушку. Он как будто боялся пробудить к жизни воспоминания, которые, казалось ему, давно умерли.

Глава 2

Внушительных размеров конференц-зал, если закрыть глаза, мог показаться пустым, настолько в нем было тихо. Однако все кресла были заняты. Духи, принявшие по велению Совета тринадцати, человеческий облик, чувствовали себя неуверенно и смущенно молчали. У некоторых был оскорбленный вид.

Члены Совета XIII сидели напротив делегатов, за полукруглым столом из лунного эбена, чрезвычайно редкого дерева, произрастающего только в непроходимых лесах Мьянмы. Золотисто-жёлтого цвета, с чёрными, голубоватыми, зеленоватыми и шоколадными разводами, прожилками и полосками, лунный эбен был необыкновенно красив, но, главное, еще до того, как из него изготовили стол, возраст дерева перевалил за тысячу лет. На своей родине он был запрещён к рубке и вывозу за пределы страны. Но этот запрет касался только людей.

В центре стола вальяжно восседал эльбст Роналд. Вот уже триста лет возглавлял он Совет XIII и умел внушить страх одним своим взглядом, особенно когда ярился, а это случалось довольно часто – эльбст был раздражителен и злопамятен. Но при этом он мог общаться на равных даже с домовыми, которых многие духи презирали и считали предателями из-за их близости к людям. Долгое время он был хорошим предводителем мира духов природы, и принес ему много пользы. Однако все чаще духи задумывались о том, что скоро им придется выбирать нового главу Совета XIII, более молодого, амбициозного и решительного. Истинного вождя, способного раздуть тлеющую в их среде искру недовольства людьми во всепланетное пламя очищения, из которого, как птица феникс, восстанет былая слава и мощь духов природы. Это понимали все, кроме самого Роналда. Он был уверен, что с включением в повестку очередного конгресса вопроса о его преемнике можно обождать, по меньшей мере, еще лет двести. Эльбст забыл, или не хотел вспоминать, сколько веков он уже прожил, и насколько одряхлело его некогда могучее тело. В душе он по-прежнему чувствовал себя юным.

Поговаривали, что в давние времена эльбст Роналд был конкистадором и погубил немало человеческих жизней. А кое-кто из старых духов с южноамериканского континента даже признавал в нем Эрнандо Кортеса, который, выдав себя за длиннородного белокожего бога Кецалькоатле, некогда покорил и ограбил народ ацтеков. Но теперь, по прошествии нескольких веков, он стал почти пацифистом и не пытался изменить окружающий мир огнем и мечом. Он считал, что люди, плодящиеся, подобно саранче, с невероятной быстротой, неистребимы. И, чем враждовать с ними, лучше мирно сосуществовать, пусть даже путем незначительных уступок. И пока Роналд возглавлял Совет XIII, всем приходилось мириться с этой политикой, даже самым членам Совета, если они хотели сохранить свой статус и положение в обществе.

Недовольство среди духов зрело, но пока еще не достигло критической точки, и желающих открыто высказать протест, а тем более взбунтоваться против слепого деспотизма эльбста Роналда, не находилось. Никому не хотелось стать жертвой огненного смерча, в который еще и поныне мог обращаться разгневанный эльбст, вспоминая привычки далекой молодости.

Поэтому даже члены Совета XIII терпеливо ожидали, пока им разрешат принять свой обычный вид. Туди Вейж, леший Афанасий, очокочи Бесарион, ундина Адалинда, юда Бильяна, гном Вигман, рарог Мичура, гамадриада Дапн, млит Сибатор, пэн-хоу Янлин, тэнгу Тэтсуя - самые уважаемые и могущественные представители своих народов, они выглядели сейчас, в облике людей, смешными и униженными. Но не смели роптать даже мысленно, опасаясь, что эльбст может прочесть их помыслы.

А Роналд, не догадываясь о молчаливом протесте членов Совета XIII, большинство из которых он считал своими друзьями и приверженцами, обязанными ему многим, если не всем, снисходительно усмехался, оглядывая зал. Он чувствовал себя не просто главой Совета XIII, Верховного коллегиального органа мира духов, а отцом и предводителем всех духов природы,

кто бы они ни были. Покинув волей случая в ранней юности свой родной швейцарский кантон Ури и забыв за минувшие века родину, он, по сути своей, давно уже стал космополитом. А потому он был снисходителен даже к людям, не сомневаясь, что при определенных обстоятельствах мог бы властвовать и над ними, включив их представителя в Совет. Но этой поистине еретической мыслью он благо разумно до поры до времени ни с кем не делился.

Под цепким взглядом Роналда некоторые духи в страхе опускали глаза, словно они были в чем-то виноваты, другие приветствовали его дружелюбным наклоном головы, третьи – подбострастным поклоном. Но эти внешние проявления ни о чем не говорили, истинные мысли делегатов конгресса были скрыты от него. Эльбст Роналд дорого бы дал за то, чтобы узнать их. Но был предел и его власти. В этом зале можно было найти духов намного могущественнее, чем он, простой, пусть и чрезвычайно воинственный в прошлом, эльбст. Пока он воевал с людьми, они овладевали тайнами природы. Он копил богатства, они – духовную силу. Роналд никогда не забывал об этом. И это знание висело над ним постоянной угрозой, как говорили люди, дамокловым мечом, не позволяя ему осуществить свои самые заветные желания. Роналд с превеликим удовольствием стер бы в мельчайший прах кое-кого из тех, кого видел сейчас в этом зале, а затем развеял пыль по ветру. Но он не был уверен в том, что ему удалось бы осуществить свое намерение, а поэтому и это желание он хранил в самом удаленном и запертом на тринадцать замков уголке своей души.

В зал, неспешно шагая и всем своим видом демонстрируя чувство собственного достоинства, вошел и занял отведенное ему место в президиуме Фергюс. При виде этого красивого, несмотря на постоянно грустный вид, эльфа с непроницаемыми глазами и мыслями улыбка Роналда померкла, а взгляд стал сумрачным. Фергюс был одним из тех, кто испытывал недовольство примиренческой политикой главы Совета XIII, но умело скрывал это, а потому был неуязвим. Это был опасный противник, во многом еще и потому, что он считался союзником эльбста. Но при удобном случае мог вонзить нож заклęcia в его спину. Пока Роналд не представил ему такого случая. Но это не могло длиться вечно, и он сам это понимал. А потому всегда был настороже, когда Фергюс был рядом, и вдвое осторожнее – когда тот был далеко, а значит, мог безбоязненно затевать козни и плести заговоры против него.

Роналд приподнял руку и тишина в зале, где и до этого все молчали, лишь изредка переговариваясь телепатически, стала звенящей, как туго натянутая тетива лука.

- Приветствую досточтимых делегатов конгресса! – заговорил Роналд. – Рад видеть вас всех в добром здравии. И еще больше рад, что никто не только не отклонил нашего приглашения, но и не счел возможным пренебречь нашей просьбой - принять образ и подобие человека.

В этом приветствии явственно прозвучала скрытая угроза. Светлые глаза Фергюса потемнели, но он ничем не выдал своих чувств. По залу пронесся легкий неодобрительный шум, словно отголосок далекого эха в горах.

- Я благодарю лешего Афанасия за прекрасную организацию нашего конгресса, который мы решили на этот раз провести в его родных краях. Тем самым отдавая дань заслугам Афанасия перед Советом тринадцати, да и всем миром духов природы, - эльбст Роналд благосклонно кивнул в сторону лешего, сидевшего в президиуме. Но глаза его не подтверждали тех слов, которые он произносил. Эльбст недолюбливал лешего за его дикую независимость, которую нельзя было ни смирить, ни подчинить. - А теперь все мы можем сбросить с себя отвратительные маски, которые были вынуждены надеть, чтобы благополучно добраться сюда. Предлагаю всем делегатам принять свой истинный облик!

И он услышал, как вздох облегчения пронесся над залом. Метаморфоза произошла мгновенно. Конференц-зал наполнился бледными тенями, огненными языками пламени, струящимися водопадами, чудовищами и растениями. Юда Бильяна окутала себя седыми длинными волосами, из которых злобно сверкали два факела глаз. Рарог Мичура расправил могучие крылья и начал искриться. Очокочи Бесарион превратился в огромное, обросшее рыжей шерстью

существо с длинными острыми когтями и топоробразным горбом, росшим из грудной клетки, который он обычно использовал для того, чтобы рассекать своих противников надвое. Гномы, туди, русалки, лешие, тэнгу и все другие духи природы, собравшиеся здесь, охотно подчинились главе Совета XIII, в очередной раз доказав ему свою покорность.

А Фергюс подумал, что, возможно, именно эту цель и преследовал эльбст Роналд, порядившись сделать соответствующую приписку в приглашении. Не приложив ни малейших усилий, не затратив ни гроша на тайное расследование, он убедился, что по-прежнему безраздельно властвует над духами. Фергюс внутренне усмехнулся. Преимущество эльфов было в том, что им почти не приходилось менять свой облик, обращаясь к людям. Требовалось только слегка изменить форму ушей, заостренных кверху, да убрать с них клочковатую шерсть. Но если надеть головной убор, то можно было обойтись и без этого. Поэтому Фергюс и был сейчас в широкополой шляпе, которая помогла ему скрыть, что он не выполнил предписания главы Совета XIII и остался в своем природном облике эльфа. Тем самым Фергюс не унижил своего достоинства, подобно остальным духам, но и не выказал неповиновения. Он бросил вызов главе Совета XIII, ничем не рискуя. В этом был весь Фергюс.

Тем временем эльбст Роналд, принявший свой естественный образ огнедышащего дракона с кривыми, словно турецкий ятаган, и такими же острыми когтями, одним взглядом успокоил волнение в зале и приглушенно прошипел:

- А сейчас предлагаю выслушать глубокочтимого гнома Вигмана, который осветит нам актуальность всепланетного экономического кризиса в мире людей. Требую внимания! Говори, Вигман, *amicus humani generis* – друг рода человеческого.

Глава Совета XIII шутил, что бывало редко, и духи в знак одобрения заулюлюкали, закатили и заскрипели, чтобы доставить ему удовольствие. Но шум тотчас же стих, как только гном Вигман, низенький и плотный, с длинной, до пола, густой бородой, которую он заплел в две массивные косы и украсил разноцветными драгоценными камнями, поднялся и подошел к трибуне, изготовленной из цельного куска того же лунного эбена. Он запрыгнул на поставленную там заранее специально для него скамеечку, чтобы его могли видеть делегаты, и начал излагать суть вопроса, на важность которого указывало то, что он стоял в повестке конгресса первым. Речь шла о деньгах, и Вигман, как обычно, когда он говорил об этом предмете, сразу же воодушевился.

- Да поправит меня гамадриада Дапн, если я ошибаюсь, - сказал он и отвесил вежливый легкий поклон гамадриаде, которая благодарно прошелестела в ответ своими многочисленными травянистыми отростками, - но экономический кризис является именно тем поворотным пунктом развития всего мирового сообщества, который в него вкладывает греческое толкование этого понятия.

Гамадриада Дапн, имевшая греческие корни, согласно кивнула.

- Во время экономического кризиса мир людей от порядка и благоденствия, которые несут миру духов природы неисчислимые беды, поворачивается в сторону хаоса и разорения, - вдохновенно вещал гном. - И то, что я вам сейчас скажу, уверен, ни для кого не секрет! Любой кризис в мире людей, будь он экономический, политический или социальный, жизненно необходим нам, духам. Точно так же, как гамадриадам – дерево, водяным – река, гномам – подземелье.

- А ундинам – утопленники, - пронеслась над залом чья-то скабрзная мысль, и с трудом сдерживаемые смешки на мгновение нарушили монотонное бормотание гнома Вигмана.

Ундина Адалинда, обидевшись, начала было приподниматься, чтобы излить свой гнев на шутника, но тут же опустилась обратно, смирившись под раздраженным взглядом эльбста Роналда.

- Резкое ухудшение экономического состояния людей, которое проявляется в значительном спаде производства, нарушении уже сложившихся производственных связей, банкротстве

предприятий, росте безработицы, в снижении жизненного уровня населения – все это неизменно служит основой роста благосостояния духов природы, - продолжал, как ни в чем не бывало, гном Вигман. - А главное – на этом основывается наша уверенность в своем будущем. Ведь люди, пресытившись обилием денег, и не зная, куда и на что их тратить, начинают, например, осваивать Луну, Марс и даже дальний космос. Но это еще полбеды! Однако, когда они начинают исследовать природу и вмешиваться в ее законы, желая изменить их, то это уже прямая и открытая угроза самому нашему существованию. И это, к счастью, понимают самые прозорливые из духов.

При этих словах гном Вигман красноречиво взглянул на главу Совета XIII, словно ожидая от него похвалы. И только дождавшись его благосклонного кивка, снова начал говорить.

- Вспомните эти безумные проекты по изменению направления течения величайших земных рек, осушения болот, оводнения пустынь, вырубки лесов, грозящие гибелью многим духам природы. Все это было, и может начаться вновь, потому что у людей снова стало слишком много денег. Золотовалютные резервы не только ведущих мировых держав, но даже второстепенных стран выросли до умопомрачительных размеров. Дефляция зашкаливает и пугает самих людей. Поэтому я вынужден констатировать – новый экономический кризис стал насущно необходим, и мы, духи природы, должны всячески способствовать ему. И более того...

Вигман вошел в раж и витийствовал еще долго после того, как утомленные сухой материей финансовых расчетов духи были готовы принять любую резолюцию, которую им предложат. Только его сородичи гномы и алчные млиты продолжали слушать, заранее с восторгом прикидывая, какие выгоды для себя они могут извлечь из будущего кризиса. За то, что уже в этом году духи природы предпримут предписанные им Советом XIII необходимые усилия, чтобы обрушить финансовые и прочие мировые рынки людей, проголосовали единогласно.

Фергюс заметил, как гном Вигман, возвращаясь на свое место, перемигнулся с одним из швейцарских гномов. И даже сумел уловить мысли, которыми они телепатически обменялись. Сородичи условились о встрече этим же вечером в одном из потайных мест, которых у этого низкорослого подземного народа было предостаточно по всему миру, чтобы обсудить соглашение о разделе будущих дивидендов. Используя информацию о планах Совета XIII, которую им будет сообщать гном Вигман, швейцарские гномы могли неплохо погреть свои маленькие ручки, играя на человеческой бирже. Фергюс ничем не выдал себя и даже не возмущился этим явным проявлением коррупции одним из членов Совета XIII. Но запомнил. Он собирал досье с компрометирующими сведениями на всех, с кем ему доводилось встречаться. Эти знания должны были пригодиться ему, когда он станет главой Совета XIII. С их помощью Фергюс собирался держать всех своих соратников в повиновении. Он не был воином, как Роналд, и не обладал его физической мощью. Сила Фергюса была в его умении плести интриги.

Эльбст Роналд занял место за трибуной, ударом могучего хвоста отшвырнув скамеечку, на которой только что стоял гном.

- Я согласен с предыдущим оратором: экономический кризис в мире людей – это хорошо, - приглушенно прошипел эльбст, окинув делегатов завораживающим и внушающим ужас взглядом. – Но при том условии, что мы можем воспользоваться его плодами. Или я ошибаюсь?

Общий одобрительный гул, как гигантская океанская волна, захлестнул зал. Духам понравилась мысль эльбста. И главное, что он облек ее не в отвлеченные маловразумительные понятия, как гном Вигман, а в слова, доступные пониманию каждого, даже медленно соображающих рарогов и совсем бестолковых пикси.

- К сожалению, собираясь и обсуждая наши совместные планы только раз в столетие, мы многое теряем, - продолжил, получив поддержку, эльбст. - Вспомните решение нашего предыдущего конгресса. Мы пришли к выводу, что мир перенаселен, люди слишком многочисленны и теснят духов по всей планете, занимая их исконные территории, поэтому нужна мировая

война, которая приведет их численность к приемлемому числу. И война началась, не прошло и года со дня решения, принятого нашим конгрессом. Почему-то люди называли ее Первой мировой, хотя даже на моей памяти подобных войн было уже немало. Но что об этом говорить, у людей много странностей. Это, с одной стороны, усложняет наше существование, но, с другой, делает их более уязвимыми.

Духи опять одобрительно зашумели. Эльбст Роналд был опытный оратор, и он знал, как завоевать симпатии слушателей.

- Но речь не об этом, - прервал он хор похвал мощным рыком. - А о том, что война принесла людям много бедствий, однако мы, духи, не сумели воспользоваться этим. Сто лет! Всего только сто лет прошло, однако за это время они сумели восстановить мировую экономику, снова начать и закончить войну, еще более разрушительную и опустошительную для них, чем Первая мировая, и опять вернуть свой мир в прежнее состояние благоденствия. А в эти дни они вновь грозят друг другу очередной войной...

Воинственный млит Сибатор, возбужденный разговорами о войне, не сдержавшись, подскочил и выкрикнул на древнем языке духов:

- Si vis pacem, para bellum!

Этот язык в современном мире люди считали мертвым. Когда-то, общаясь с духами природы, римляне переняли его, привлеченные выразительностью и лаконичностью высказываний. Но когда Римская империя пала под натиском варваров, исчез и язык, который называли латинским. Однако духи, тоже почти изъев его из повседневного существования, продолжали говорить на нем в самые торжественные и патетические моменты своей жизни, подчеркивая их значимость.

Но на этот раз любимое изречение млита Сибатора «хочешь мира - готовься к войне» не нашло должного отклика среди духов. Зал ответил не ревом согласных голосов, а дружным молчанием. Возможно, потому что млита Сибатора не любили. И он пристыженно сел на место, страхась поднять глаза на разъяренного эльбста Роналда. Тот не выносил, когда его перебивают, и всегда жестко наказывал за это провинившегося. Но на этот раз эльбст сдержался, и не обрушил свой гнев на голову перетрусившего млита. Только раздраженно пыхнул пламенем и продолжил:

- Мы, духи природы, не успеваем за людьми. Мы эволюционируем, они развиваются революционным путем. Разумеется, скороспелое яблоко и падает раньше. И мы могли бы, как и раньше, просто ждать, когда человеческий род стинет с лица земли, повинаясь непреложным законам природы. Но доживем ли мы? В этой борьбе за существование, которую нам навязывают люди, мы проигрываем исключительно из-за нашей медлительности. За сто лет, которые разделяют наши конгрессы, у людей успевают смениться два-три поколения. За минувшие сто лет их численность возросла в несколько раз. Их уже миллиарды! Только вздумайте в это! А численность наших народов сокращается. Не будем закрывать на это глаза...

Над залом пронесся печальный вздох. Глаза гамадриады Дапн наполнились слезами. Очочки Бесарион в бессильной ярости сжал кулаки. Все народы вымирали, но гамадриад и очочки уже почти не осталось на земле. А когда-то они населяли пол-мира... Эта мысль без труда читалась по их лицам.

- Люди опустошают недра земли, качая из нее живительные соки – нефть и газ, извлекая золото, ценные металлы, алмазы, - голос эльбста гремел под сводами зала. - И они богатеют. А мы нищаем. Это пора изменить! Absque omni exceptione. Без всякого сомнения.

Эти слова были встречены ревом, напоминавшим обвал снежной лавины в горах. Невозможно было выделить из общего хора чьи-то отдельные голоса. Эльбст Роналд высказывал их затаенные мысли и страхи, общие для всех. И они поддерживали его сообщая, забыв о разногласиях и разных интересах. Предложи сейчас кто-нибудь выбрать эльбста пожизненным главой Совета XIII – и за это с восторгом проголосовали бы все депататы конгресса, за исключением,

быть может, Фергюса. Даже посреди этой вакханалии восторга он оставался безучастным и ко всему равнодушным на вид.

- Для начала Совет тринадцати предлагает устраивать наши конгрессы чаще, чем раз в столетие, - Роналд, возвысив голос, перекрычал всех. Шум сразу стих. – Признаюсь – членами Совета обсуждались разные сроки. Кто-то предлагал полвека, кто-то – четверть века, были и такие, кто замахивался на каждое десятилетие. Но мы выбрали компромиссное решение – пятьдесят лет. По нашим расчетам, именно столько в среднем человек находится в активной фазе своей жизнедеятельности, если брать время от его рождения до смерти. Мы будем успевать, укладываясь в этот жизненный отрезок, следить за всеми изменениями в мире людей, которые могут отразиться на мире духов природы. И принимать решения, способствующие повлиять на эти изменения.

Фергюс презрительно скривил губы. Пятьдесят лет! Эльбст безнадежно устарел. Он не понимает, что в современном мире полвека – это слишком большой срок, и прежде всего для них, духов природы, которые уже почти проиграли битву, навязанную им людьми. И не видеть этого могут только слепцы, подобные Роналду. За будущие полвека люди могут выкачать из недр земли всю оставшуюся нефть, и окончательно обескровить ее. Могут вырубить все леса, и лишит планету чистого воздуха. Могут загрязнить все водоемы, и заставить мир умирать от жажды. И что тогда будет с ними, духами природы? С водяными, ундинами, гномами, лешими и прочими? Они вымрут. Нет, эльбст Роналд должен уйти в небытие или оставить свой пост, и как можно скорее. Даже полвека, когда его можно будет переизбрать на следующем конгрессе, – это непозволительно большой срок...

Фергюс так погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как делегаты одобрили предложение сократить периоды между конгрессами до полувека, и эльбст сошел с трибуны. Опомнился он только тогда, когда услышал свое имя, произнесенное главой Совета XIII.

Глава 3

- Глубокочитимый эльф Фергюс! – прошипел эльбст, с нескрываемым подозрением глядя на него. – Ты так настаивал на обсуждении проблемы маяка на острове Эйлин Мор, что твоя медлительность сейчас просто поражает. Или за это время у тебя появились другие, более важные дела, которые требуют всего твоего времени и внимания?

- Нет, повелитель Роналд, - сухо ответил Фергюс. – Прошу меня извинить. Но на меня произвела сильное впечатление твоя речь. Твои слова слишком убедительно подтверждают мои опасения, связанные с островом Эйлин Мор. И проблема не только в одном этом острове. Ты абсолютно прав! Люди теснят нас, духов, повсюду. Мы теряем свои исконные территории. Мы теряем планету. Мы теряем нашу жизнь. И не замечаем этого, предпочитая уступать, уступать и уступать...

Эльф умел даже свое поражение обратить в победу. Он был прирожденный дипломат. Эльбст Роналд не мог бы с ним тягаться, играя словами. Но он мог его уничтожить своим огненным дыханием, или того хуже - мог настоять на его изгнании из членов Совета XIII. Поэтому Фергюс был осторожен. И предварительно взвешивал каждое произнесенное им слово. Его речь была не так эмоциональна, как выступление эльбста, но намного более убедительна.

- Остров Эйлин Мор – это не просто исконная вотчина эльфов, нет. Это -символ. Символ той борьбы за выживание, которую вынуждены вести вот уже несколько тысячелетий духи природы. Да, мы не живем, а выживаем, с тех самых пор, как началось нашествие людей. Люди, не задумываясь о последствиях, безжалостно эксплуатируют землю, ставя под угрозу само свое существование на этой планете. Что им с того? Они – вечные скитальцы по необозримой Вселенной. Земля – не первая и не последняя планета на этом их бесконечном пути. Они уничтожат и ее, как до этого многие другие планеты, где появились на мгновение, исчерпали их ресурсы и продолжили свой путь в никуда. Но совсем другое дело мы, духи природы. Земля – наш родной дом, наш единственный шанс на жизнь. Мы не можем покинуть ее и вслед за людьми уйти в просторы космоса, в надежде обрести новый дом. Нет, мы погибнем вместе с нашей планетой. Погибнет она – погибнут и духи природы, населяющие ее...

- Эльф Фергюс! – грубо прервал его глава Совета XIII. – К чему все эти слова? Все мы прекрасно знаем теоретические основы мироздания. Но сейчас мы собрались здесь, чтобы обсудить практический вопрос. И не глобальный, космического масштаба, а микрогеографический, связанный с крохотным островком...

- Который является исторической родиной эльфов и который, по несчастливой случайности, люди избрали для своих сиюминутных целей, - подхватил Фергюс. – Маяк, который они воздвигли на острове Эйлин Мор – это не просто маяк, как может показаться недаленовидным. Это предупреждение о будущей катастрофе, которая неминуемо грозит всем духам природы. Никто из нас не застрахован от подобной ситуации. И даже ты, глубокочитимый эльбст Роналд, однажды можешь лишиться своего родного горного озера Зеелисберг...

Роналд очень не любил, когда ему напоминали, из какой глухой провинции он родом. Он мгновенно разъярился и с яростью прошипел:

- Если такой немислимой ценой я буду вынужден заплатить за благоденствие мира духов, то поверь, эльф Фергюс, я заплачу ее. И не буду жалобно хныкать, как престарелая юда, не в обиду высокочтимой Бильяне будь это сказано!

Фергюс с наигранным сочувствием взглянул на юду Бильяну. Всем было известно, что уже много лет ей чаще приходилось разрывать молодых мужчин на куски и выпарапывать им глаза, чем предаваться с ними плотской любви, настолько ее обезобразили прожитые столетия. Напомнив ей об этом, эльбст только увеличил число своих недоброжелателей. А эльф приобрел союзника на будущее. Но сам Роналд даже не понял этого, пылая злобой.

- Эльфы не просят невозможного, - мягко произнес Фергюс. – Только убрать маяк с острова Эйлин Мор на любой другой. Внешние Гебриды велики. Одних только обитаемых островов в архипелаге пятнадцать, а необитаемых, подобно Эйлин Мору, более пятидесяти.

- Эльфы не просят, они просто убивают смотрителей маяков, которых туда посылает правительство Эльфландии, - прошипел эльбст.

- Этому нет доказательств, - отпарировал эльф. – А, следовательно, это клевета.

- *Is fecit, qui prodest*. Сделал тот, кому выгодно, не так ли, глубокочтимый эльф Фергюс? – злобнодохнул пламенем эльбст. – Или тебе мало того, что Совет тринадцати, идя навстречу твоим пожеланиям, выкупил этот никому не нужный каменистый клочок земли у людей и преподнес его эльфам в подарок?

- А вместе с ним – и марионеточное государство Эльфландия. Подарок с обременением – это не подарок, а нечто..., - начал было Фергюс.

Но эльбст снова не дал ему договорить.

- Совет тринадцати поставил эльфам одно единственное условие – чтобы маяк продолжал работать. Мы заключили контракт с людьми, в котором этот пункт обязателен для исполнения. Маяк необходим им. И, помнится, когда мы заключали этот контракт, ты не был против, Фергюс.

- Я, как и ты, повелитель Роналд, способен на великие жертвы, - с неуловимой иронией ответил эльф. – И готов пожертвовать даже родиной. Но мой народ... Он не хочет принимать этого условия. Он оскорблен. Он требует...

- Требуется? – грозно прошипел эльбст. Длинный язык пламени вырвался из его пасти. – Народ эльфов до такой степени забылся? Никто никогда и ничего не может требовать от Совета тринадцати! *Est modus in rebus*. Всеу есть мера. *Quos ego!* Я вас!

Фергюс и сам уже понял, что увлекся. И склонил голову.

- Прошу простить, повелитель Роналд. *Sed semel insanivimus omnes*. Однажды мы все бываем безумны. Ты прав. Народ эльфов покорно просит тебя и всех собравшихся в этом зале духов пойти навстречу его желанию. И способствовать тому, чтобы маяк на острове Эйлин Мор погас навеки, перестав осквернять лоно Великой Эльфийки.

Фергюс благоразумно перевел их разговор с эльбстом, который стал слишком опасен и непредсказуем, на суд делегатов конгресса. Среди них у эльфа было много союзников, которые могли поддержать его. Он знал это, потому что потратил на их приобретение много времени, усилий и средств.

И они действительно поддержали бы эльфа - во всем другом, но только не в его противостоянии с грозным главой Совета XIII. Фергюс не учел этого и проиграл. Он понял это сразу, ощутив телепатическую волну, которая нахлынула на него из зала – и отхлынула, унося с собой надежду на благополучный исход этого спора.

- Твое право воззвать к делегатам конгресса никто не оспаривает, - уже намного спокойнее произнес эльбст. Он тоже все понял. – Но будь благоразумнее впредь, Фергюс, и не испытывай терпения высокочтимых делегатов, отнимая у них время на пустые разговоры. Ты настаиваешь на голосовании?

- Я снимаю свой вопрос с повестки дня, повелитель Роналд, - уступил Фергюс. Он предпочел проиграть битву, но не войну. Если бы делегаты сейчас проголосовали против его предложения, а так бы и случилось, к этому вопросу Совет XIII не стал бы возвращаться уже никогда. Маяк остался бы на острове Эйлин Мор навеки. Но не будет резолюции - и сохранится надежда на будущее. – Я признаю, что заблуждался. Еще не время!

Фергюс почувствовал на себе чей-то взгляд и невольно обернулся. У дверей концерт-зала стояла Катриона и сочувственно смотрела на него. По спине эльфа пробежала нервная дрожь. Катриона инстинктивно понимала его лучше, чем любой другой в этом зале. Она догадывалась, каких усилий стоило ему пойти на попятный, сказать самому себе «*save*» – остере-

регайся! И дело было не только в том, что она тоже была, пусть и наполовину, эльфийка. А в том, что она была дочерью...

Подумав об этом, Фергюс смертельно побледнел. Он даже покачнулся и, боясь упасть, с трудом добрал до своего места. Тяжело опустился в кресло.

Эльбст Роналд, не скрывая своего торжества, громко прошипел:

- Ну-ну, эльф Фергюс, не надо так волноваться! Признать свою ошибку – это не значит унижить свое достоинство. Наоборот, ты значительно вырос в наших глазах. *Vox audita latet, littera scripta manet*. Сказанное слово исчезает, написанная буква остается.

Это значило, что отныне эльбст будет с еще большей осторожностью и подозрением относиться к нему, подумал Фергюс. Но сейчас это было ему почему-то безразлично. Воспоминания, вызванные одним только взглядом Катрионы, нахлынули на него гигантской волной, наподобие тех, что захлестывают острова в океане. И они в одно мгновение разрушили преграду, которую он воздвигал в своем сознании все эти годы, чтобы не утонуть в пучине отчаяния. Именно такими глазами смотрела на него когда-то Арлайн в их последнюю ночь...

Фергюс и Арлайн были знакомы с детства. Оба росли в древних и сросшихся корнями уважения эльфийских родах. Детская дружба нередко перерастает в юношескую влюбленность. Это был тот самый случай. Фергюс и Арлайн были не только красивы, а, следовательно, привлекательны друг для друга физически, но и близки духовно. А потому всем казалось, что их будущее предопределено, особенно когда Фергюс играл на волынке, а Арлайн тихо пела под эту музыку древние эльфийские песни.

- Весь день твой услаждают слух
И музыка и пение.
Но ты меня, мой милый друг,
Отвергла тем не менее.

Одну надежду я таю,
Что, как жестока ты ни будь,
Любовь несчастную мою
Вознаградишь когда-нибудь!

Пусть ты глуха к моим мольбам,
Мучительница милая,
Твоим зеленым рукавам
Послушен до могилы я.

Твоим зеленым рукавам
Я жизнь безропотно отдам.
Зеленые, словно весной трава,
Зеленые рукава!

Арлайн пела, Фергюс наигрывал мелодию, и сама природа затихала, роняя с небес на землю слезы печали и надежды.

Но печаль была недолгой. Как только заканчивалась песня, она растворялась в волнующем кровью и воображении танце. Многие эльфы прекрасные танцоры, но Фергюс и Арлайн превосходили всех. Они танцевали под луной, а в безлунные ночи - в отблесках костра, и если шел дождь, то под дождем, подставляя разгоряченные лица его живительной влаге. Они часто встречали восход солнца на вершине холма острова Эйлин Мор, с которой можно было уви-

деть, казалось им, весь мир. Тот самый мир, в котором им предстояло прожить долгую счастливую жизнь, полную радостных дней и не менее радостных ночей.

Так прошло много лет. Они выросли, детские грезы приобрели зримые очертания, неопределенные желания воплотились в осознанные мысли. Подошло время для семьи и детей. Но незадолго до того, как они должны были соединить две свои жизни в одну, на остров Эйлин Мор пришли люди. Они приступили к строительству маяка.

Само по себе это событие имело мало влияния на планы, которые вынашивали семейства Фергюса и Арлайн в отношении их будущего. Фергюс тогда еще не был политическим деятелем и признанным вождем своего народа. Он был молодым любящим эльфом, который мечтал о свадьбе с Арлайн. И Арлайн тоже мечтала об этом - до того дня, когда она встретила Джека, который работал простым плотником на маяке и был человеком.

Джек был отчаянно рыж, как осеннее солнце, весел, как певчий дрозд, и дерзок, словно в него при рождении вселилась ватага бесенят. Он был высоким, на голову возвышаясь над другими людьми, которые в росте превосходили эльфов. Он был неустрашимым. И когда он однажды ночью, скучая и мучаясь бессонницей, пришел на берег моря и встретил Арлайн, то не испугался, хотя и знал, что на острове нет женщин. Он заговорил с ней. А замолчав, обнял и поцеловал. И Арлайн не только не воспротивилась этому и не разгневалась, но даже ответила на его поцелуй. Ей было приятно. Почти так же, как с Фергюсом... Но по-другому. Такого чувства она еще никогда не испытывала, и даже не догадывалась, что оно возможно. Ее как будто омыла теплая ласковая волна, с головы до ног, приподняла над землей и приблизила к луне, которая снисходительно наблюдала за ними с небес. А небо стало вдруг таким прозрачным, что были видны мириады звезд, которые раньше скрывала бесконечность пространства...

Арлайн была влюблена в Фергюса с детства, а Джека она полюбила, будучи уже взрослой женщиной-эльфийкой. И эта новая и неожиданно вспыхнувшая любовь затмила былую, привычную, влюбленность, как нашедшая на солнце луна. Арлайн забыла обо всем, что связывало ее с Фергюсом. Презрев их прошлое и будущее, она начала жить настоящим, которое казалось ей прекрасным и вечным.

Фергюс узнал о ее измене от других эльфов. Сама Арлайн избегала встреч с ним. Он тоже не захотел преследовать ее своей любовью. Но перестал улыбаться, взгляд его померк, под глазами легли тени от бессонных ночей. Он как будто в один день состарился на сто лет.

Они жили рядом, на одной планете, но как будто в иных измерениях.

Арлайн вернулась к Фергюсу всего на одну ночь, перед тем как покинуть остров. Маяк был построен, и Джек возвращался домой. Арлайн решила уйти с ним. Но перед этим она пожелала проститься с былым возлюбленным, который должен был стать ее судьбой, а стал вечным угрызением совести.

Фергюс незрячими глазами смотрел на закат окровавленного солнца, когда к нему неслышными шагами подошла Арлайн. Она расслышала, как он шепчет:

- За что, за что, моя любовь,

За что меня сгубила ты?

Неужто не припомнишь вновь

Того, кого забыла ты?

Это были слова той песни, которую она когда-то напевала под звуки его волынки. Арлайн не смогла сдержать слез.

Фергюс услышал ее печальный вздох и обернулся. В его глазах она прочитала немой вопрос, но вместо ответа приникла к его губам в долгом прощальном поцелуе. Ее била дрожь, но не от холода. Она словно умоляла согреть ее. И Фергюс не смог противостоять. Он обнял ее и почувствовал, какой она вдруг стала мягкой и нежной, словно облако. И тогда он вошел в нее и слился с нею, и они стали единым целым. И это длилось целую вечность, прекрасную и мучительную для обоих.

Арлайн ушла незадолго до рассвета.

После той ночи они уже никогда не виделись. Фергюс окунулся с головой в политику, и со временем занял подобающее ему место в Совете XIII. А Арлайн... Она бесследно затерялась в мире людей, словно крохотная песчинка на берегу океана. Быть может, Фергюс, воспользовавшись своей неограниченной властью, и мог бы найти ее. Но он не искал, запретив себе даже думать о ней...

Глава 4

Борис умер. И почувствовал необыкновенное спокойствие, поистине неземную умиротворенность. Его перестали терзать тревоги и печали, неотделимые от человеческого существования, и даже страх смерти впервые и навсегда покинул его. Каким-то неведомым образом он знал - то, что его ожидает, прекрасно, как всякое начало. Он словно снова стал ребенком, но только это было в другом мире. В том, где он должен был встретиться с мамой, папой и бабушкой, по которым он отчаянно скучал, а иногда, по ночам, даже плакал, уткнувшись лицом в подушку...

Возможно, продлился этот сон, Борис и в самом деле умер бы, не проснувшись. Но внезапно чуткую предрассветную тишину, будто рев сигнальной сирены, которую издают маяки в туман, нарушил звонок мобильного телефона. Борис вздрогнул и открыл глаза. Ощущение покоя еще какое-то мгновение не оставляло его. Но снова грубо рывкнул телефон, и оно исчезло, словно перепуганный призрак.

Сумерки короткой летней ночи за окном посветлели, предвещая скорый рассвет. Побледили разноцветные огни, окрашивающие телевизионную башню на сопке Орлиное гнездо в зеленые, красные и фиолетовые цвета. Было душно, несмотря на приоткрытое окно. Где-то в отдалении робко прошелестели шины по асфальту. Могло показаться, что автомобиль крадучись, словно неверный муж, возвращался домой переулками после весело проведенной ночи, удовлетворенный, но виноватый.

Обычно мелодичный, в этот ранний час звонок ввинчивался в мозг как ржавый шуруп, требуя и настаивая. Мобильник, среди прочего хлама, лежал на прикроватной тумбочке, куда Борис имел обыкновение класть его на ночь. Усилием воли Борис преодолел искушение запустить трубкой в стену, чтобы тот заткнулся. Вместо этого он провел пальцем по мерцающему зеленовато-мертвенным светом табло, с содроганием чувствуя, какое оно шероховатое и скользкое на ощупь, словно змеиная кожа. Он всегда считал, что при других обстоятельствах мог бы прожить без мобильного телефона, как и без руки, или ноги, или одного глаза, будь он инвалидом с рождения. Но если ты родился с конечностями и двумя глазами, то не стоит даже пытаться изображать из себя калеку, уж очень это утомительно. Разумеется, это была метафора, подразумевающая реалии современной жизни большого города.

- Господин Смирнов?

Вопрос был задан очень приятным голосом. Но его интонация не понравилась Борису. Казалось, возможность будить людей на рассвете телефонными звонками, задавая им бессмысленные вопросы, приносила этой женщине рефлексорное, как улыбка младенца, удовольствие. Борис был раздражен внезапным пробуждением, зол на весь мир и поэтому несправедлив.

- Он самый, - облизнув пересохшие губы, ответил он. - Но это не повод будить меня ни свет ни заря.

- Так вы спали? - в голосе прозвучало легкое удивление.

- А почему вас это изумляет? - буркнул он. - Знаете ли, совесть у меня чиста...

- В ночь на Ивана Купалу? - перебили его.

- А почему бы и нет? - хмыкнул Борис.

«Может быть, я все еще сплю, и это тоже сон?» - вдруг пришла ему в голову мысль, которая многое объясняла.

- Потому что в эту самую короткую ночь в году дозволено все, - ответила ему странная собеседница. - Вот только в лес лучше не ходить. Слепая змея медянка прозревает и потому становится очень опасной для людей...

- Спасибо, что предупредили, - ответил Борис. - Поберегусь.

- Поберегитесь, - с невидимой мимолетной усмешкой сказала женщина. – Если сумеете. Помимо змеи медянки есть еще ведьмы, оборотни, упыри, лешие, водяные, русалки...

Разговор становился все более занятым. И в любое другое время Борис охотно продолжил бы его. Но сейчас он испытывал только желание снова лечь в постель и заснуть.

- Вы для этого мне и позвонили? – нетерпеливо спросил он. - В таком случае...

- Чтобы напугать вас? – не дала ему договорить женщина. В ее голосе просквозили возмущенные нотки. – Да как только вы могли подумать такое! Я полномочный представитель посольства суверенного государства Эльфландия. А звоню вам, потому что нам рекомендовала вас Международная ассоциация маячных служб. И поверьте, мы не занимаемся тем, в чем вы меня заподозрили.

Борис знал об этой авторитетной и могущественной в мире маяков ассоциации. Остатки сна мгновенно исчезли, и даже цепной пес в голове, обозленный внезапным пробуждением, уже не так яростно вгрызался в мозг.

- I am sorry, - неизвестно почему перешел на английский язык Борис.

- А почему не mes excuses? Ведь штаб-квартира ассоциации находится в Париже, да и посольство Эльфландии тоже, – ехидно заметила женщина. – А можно еще pardóneme или entschuldigen. Я говорю на всех этих человеческих языках. И еще на многих других.

Борис не нашелся, что сказать, и, растерявшись, задал очень глупый вопрос, сам это понимая:

- А почему меня?

- Потому что мы читали вашу статью в одном из номеров журнала «Записки по гидрографии». У вас еще есть вопросы, на которые вы хотели бы получить ответы, или я могу вернуться к своему?

- Спрашивайте, - сказал Борис. Но все-таки не удержался и спросил сам: - А вы действительно читали мою статью?

- Действительно, – сухо произнесла его собеседница. – Поправьте меня, если я ошибусь. «Тысячи лет маяки верой и правдой служили людям. Они спасли великое множество судов и жизней. А затем человечество предало их и обрекло на забвение и вымирание...». Все верно?

- До единого слова, - ошеломленно выдохнул Борис. – Вот уж не думал...

- Это заметно, - с едва уловимой иронией сказала женщина. – Но пора уже начинать думать. Мы говорим с вами битый час, а толку никакого... Кстати, я правильно высказала свою мысль по-русски?

- Даже слишком. Так как, вы сказали, вас зовут?

Женщина вздохнула, но все же ответила:

- Катриона. По-русски Катерина. Послушайте, господин Смирнов...

- Борис, - сказал он. - Зовите меня Борис.

- Хорошо, Борис, - не стала спорить она. – У вас есть другие желания, которые я должна исполнить, прежде чем вы позволите мне приступить к теме нашего разговора?

- В таком случае, если это вас не затруднит, конечно, не могли бы мы пообщаться с вами по скайпу?

- Зачем?

- Катриона, я хочу взглянуть на женщину, которая без запинки цитирует мою статью. И это при том, что журнал, в котором эта статья будет опубликована, выйдет только через шесть месяцев, - ответил Борис. – Интуиция мне подсказывает, что эта женщина либо лгунья, либо... Она из будущего.

- Поверьте, мое предложение намного интереснее вашего, - после недолгой паузы ответила невидимая ему Катриона. – Вы не хотели бы некоторое время поработать главным смотрителем маяка Эйлин Мор? Разумеется, за щедрое вознаграждение.

- А почему не Александрийского маяка? – разочарованно хмыкнул Борис.

- Хотя бы потому, что более тысячи лет назад маяк на острове Фарос был разрушен землетрясением, - явно недоумевая, ответила Катриона. – И вам не мешало бы это знать.

- Я это знаю, - раздраженно буркнул Борис. - Как и то, что маяк на острове Эйлин Мор не нуждается в смотрителе. Он полностью автоматизирован. Тому уже с полвека.

- Вы ошибаетесь. Так было, пока остров Эйлин Мор, как часть территории Шотландии, находился под юрисдикцией Великобритании. Но сейчас он является собственностью Эльфландии.

- И давно?

- С того самого дня, когда английское правительство продало остров за такую баснословную цену, что ему стыдно даже заикаться об этом. А поэтому оно охотно согласилось на главное условие этой сделки – сохранить ее в тайне. В противном случае им придется заплатить неустойку, во много раз превышающую ту сумму, которая была получена за остров. И можете мне поверить, выплатить ее не сможет ни одна страна мира.

- Эльфландия? – повторил Борис, словно пытаясь вспомнить. – Никогда не слышал о такой стране.

- Это маленькое государство. Если быть предельно точным, в настоящее время его территория ограничивается одним этим островом. Но не судите по размерам. От Эльфландии порой зависят судьбы всего мира!

Катриона произнесла это с такой нескрываемой гордостью, что Борис не стал больше ничего уточнять, опасаясь оскорбить ее дух патриотизма. Да и предложенная ему наживка была слишком заманчива, чтобы пугаться крючка, на который она была нанизана. «В сущности, что я теряю, если скажу да? - подумал он. - Обо мне и плакать-то некому, случись что...».

Маяки интересовали Бориса, сколько он себя помнил. Уже в старших классах школы, задумываясь о своем будущем, он начал искать учебное заведение, где готовили бы смотрителей маяков. Но не нашел. Зато он узнал, что к этой работе никогда и нигде в мире не подготавливали специально. Смотритель маяка - это было скорее призвание и образ жизни, чем профессия. Поэтому, получив школьный аттестат и вскоре призванный на военную службу, он отслужил двенадцать месяцев на одном из кораблей Тихоокеанского флота, что было совсем не трудно, учитывая, что он родился и вырос во Владивостоке, а этот город всегда славился своими морскими традициями. А затем поступил в гидрометеорологический колледж. Его приняли вне конкурса, как сироту. Через три года ему выдали диплом, в котором было записано: «Квалификация: техник-метеоролог». Профессия, которую он получил, называлась гидрометнаблюдатель. Но это ни на шаг не приблизило его к осуществлению своей мечты. Он работал на гидрометеорологической станции в одном из поселков на юге Приморского края, а бредил маяками. Он знал о них все, что только было возможно.

Из так называемых семи чудес света Александрийский, он же Фаросский, маяк был для него самым главным. А Сострата, сын Дексифана из Книда, который построил и посвятил Фаросский маяк «Богам-спасителям ради мореходов», он считал величайшим из людей древности.

Все деньги, которые Борис зарабатывал, он тратил не на развлечения, девушек и одежду, как большинство его сверстников, а на то, чтобы увидеть своими глазами маяки, о которых он читал в книгах, ощутить на ощупь влажную шероховатость их каменных стен. Первую свою туристическую поездку за рубеж Борис совершил в испанский город Ла-Корунья, где находился древнейший из ныне действующих маяков, построенный ещё во времена римского императора Траяна во II веке нашей эры. Затем он посетил самый высокий в мире 106-метровый маяк, установленный в японском городе Иокогама. И побывал в единственной в мире Вознесенской церкви-маяке, сооруженной в 1862 году на Секирной горе Большого Соловецкого острова. И это было пока все. Но он мечтал подняться на американскую статую Свободы, которая с 1886 по 1902 год использовалась как маяк, и знал, что однажды это свершится.

Он бережно хранил нидерландскую банкноту в 250 гульденов с изображением маяка Вестерлихтторен. А еще сам составил карту мира, на которой крошечными красными флажками отмечал места, где были установлены работающие маяки.

Но с каждым годом флажков на его карте становилось все меньше. Развивались и подменяли маяки спутниковые навигационные системы GPS и ГЛОНАСС. Строясь, подтачиваемые водой и ветрами, ветшали, их закрывали, чтобы не тратиться на ремонт. Маяки безвозвратно уходили в прошлое. Туда, где уже навсегда скрылись Колосс Родосский, висячие сады Семирамиды, храм Артемиды Эфесской, мавзолей в Галикарнасе, некогда служивший усыпальницей царя Карии Мавсола, статуя Зевса Олимпийского из священной рощи Альтиса...

Вымирала и профессия смотрителя маяка. В истории человечества это случилось не впервые. В Древнем Риме были в почете органисты водяного органа, который работал на том же принципе, что и обычный духовой орган, только вместо воздуха в нем использовалась вода. Даже император Нерон играл на таком, услаждая свой слух. В средневековой Европе было известно ремесло шпагоглотателя, выступавшего на рынках и ярмарках. В России давно исчезли ямщики, правившие лошадьми с каретами, предназначенными для перевозки пассажиров. В двадцатом веке от Рождества Христова пришел черед смотрителей маяков.

Изобретение шведского ученого Густава Далена, за которое он получил одну из первых Нобелевских премий по физике, - солнечный клапан, позволивший маякам автоматически включаться ночью и выключаться при солнечной погоде, - постепенно свело работу смотрителей только к экстренному ремонту. Последний из них покинул маяк еще в девяностые годы давно минувшего двадцатого века, когда Борис только появился на свет. Оставшиеся, наиболее важные для морского судоходства, маяки были полностью автоматизированы.

И вдруг, почти четверть века спустя, ему, Борису Смирнову, предложили работу смотрителя маяка. И не какого-то заурядного, а маяка на острове Эйлин Мор, который вот уже более ста лет возбуждал любопытство всего человечества, во всяком случае, той его части, что увлекалась паранормальными явлениями, необъяснимыми тайнами и неразрешимыми загадками. И это было тем более удачно, что всего месяц тому назад он уволился с прежнего места работы, решив перебраться во Владивосток, где тоже была гидрометеорологическая станция. Решимость подогревалась мыслью, что если он не найдет работу по специальности, указанной в дипломе, то в большом портовом городе всегда есть другие способы заработать себе на жизнь. Он арендовал на месяц самую дешевую из тех, что предлагали агентства, однокомнатную квартиру, которая, тем не менее, лишила его почти всех накоплений «на черный день». И теперь Борис, за это время так и не устроившийся никуда, не знал, где добыть денег, чтобы продлить срок аренды, которая заканчивалась через три дня.

А потому, соглашаясь на предложение Катрионы, он ничего не терял, а только приобретал. Так он думал в эту минуту.

- Вот и хорошо, - вдруг услышал он. - Мы знали, что вы не откажетесь.

- Но я еще ничего не ответил, - запротестовал было Борис.

- А то, что подумали, не в счет? - возмутилась Катриона. - Или вы думаете одно, а говорите другое? Тоже мне, Галилео Галилей нашелся!

И Борис мог бы поклясться, что она закончила свою гневную тираду насмешливой улыбкой. Но это поразило его не настолько, чтобы сменить тему разговора и начать задавать глупые вопросы о чтении мыслей на расстоянии и прочей антинаучной чепухе. То, что ему предлагалось обсудить, действительно было намного важнее всего остального в мире.

- Так да или нет? - спросила Катриона. Она явно начинала терять терпение. Поэтому он торопливо воскликнул, на этот раз почему-то по-французски:

- Oui, madam!

- Между прочим, mademoiselle, - поправила его Катриона. - Но к нашему разговору это не имеет никакого отношения. Итак, если вы согласны, то слушайте меня внимательно...

- А это надолго? – перебил ее Борис. – Ваши инструкции?

- А вы куда-то торопитесь? – удивилась Катриона. – В четыре часа утра?

- Зябко, - поежился Борис. – Рубашку накинуть можно?

В июле солнце и влажность совместными усилиями превращают Владивосток в раскаленную печку, и он спал голым. Однако на исходе даже июльской ночи можно озябнуть, если долго стоишь напротив приоткрытого окна обнаженным. Пытаясь согреться, Борис переминался с ноги на ногу, словно долговязый журавль на болоте, выслеживающий лягушек. Но это мало согревало.

- Рубашку можно, - милостиво разрешила Катриона. – И даже штаны, если хотите.

Борис мысленно ахнул. Ему пришла в голову нелепая мысль, что женщина, умеющая предугадывать будущее и читать мысли, была способна видеть своего собеседника, даже если тот находится за тысячи километров. И все это время она созерцала его, Бориса, во всей его первозданной тощей наготе, не скрытой никакими ухищрениями цивилизации! Подумав об этом, Борис невольно бросил взгляд вниз, куда-то между пупком и коленями, но не увидел ничего утешительного для себя. В свою защиту он мог бы сказать, что очень замерз, но сам понимал, что это оправдание не вызовет у его собеседницы ничего, кроме презрительной усмешки.

- Не преувеличивайте моих возможностей, - внезапно услышал он. – Я не настолько всевидяща!

Он не стал натягивать трусы и рубашку, а попросту быстренько завернулся в одеяло.

- Слушаю, - выдохнул он в трубку, которая все это время, брошенная на кровать, ехидно подмигивала ему зеленоватым мерцающим экраном. – И прошу меня извинить, что заставил ждать.

- Ничего, я не скучала, - ответила Катриона невинным голосом. Казалось, она искренне наслаждается смущением Бориса.

Но Борис не дал ей времени на это.

- И когда я смогу приступить к работе, которую вы мне предложили? – спросил он самым официальным тоном, на который был способен.

- Чем раньше, тем лучше, - последовал ответ. – Вообще-то, следующий после ночи на Ивана Купалу день считается лучшим днем в году для этого. Собственно говоря, именно поэтому я и позвонила вам этой ночью. Если вы отправитесь в путь немедленно, то успеете на утренний рейс на Москву. Оттуда – самолет на Лондон. Из Лондона – в Эдинбург. Там перейдете на местные авиалинии и доберетесь до Барра, одного из островов архипелага Внешних Гебрид. Оттуда на морском пароме до острова Льюис рукой подать. А на острове Льюис вас будет ждать катер. Небольшая прогулка по морю – и вы на острове Эйлин Мор. Учитывая разницу во времени, к ночи вы уже сможете приступить к исполнению обязанностей главного смотрителя маяка.

- Я вижу, вы все предусмотрели. И даже такие мелочи, как визы и билеты?

- Разумеется, - радостно сказала Катриона. – Все это уже ждет вас на reception в аэропорту вашего города. Кстати, у вас еще останется немного времени, чтобы на острове Льюис осмотреть святилище Калланиш. Прекрасный памятник эпохи неолита! Еще Плиний Старший и Птолемей упоминали о нем. Вы только представьте - тринадцать вертикально установленных каменных монументов, образующих круги диаметром до тринадцати метров. Правда, чудесно?

- Почему бы и нет, - не стал спорить Борис. – Если уж сам Птолемей...

- Поверьте мне, Борис, вы не пожалеете, - рассмеялась Катриона, словно звонкие колокольчики сыграли веселую мелодию. – И до скорой встречи!

- И когда же..., - начал было он фразу.

Но экран его мобильного телефона уже погас, словно разом омертвел.

Глава 5

Борис посмотрел на часы. Стрелки показывали начало пятого. Летние ночи коротки, и за окном уже посветлело, но улицы были пустынные, словно город вымер. Однако надо было торопиться, чтобы успеть на первый рейс до Москвы. До аэропорта он мог добраться часа за три-четыре, не раньше.

Борис был опытный путешественник. Уже через полчаса он собрался. Умылся, побрился, позавтракал, положил в дорожный рюкзак бритву, зубную щетку, смену белья, энциклопедию маяков мира и документы – диплом и два паспорта, российский и заграничный. Он здраво рассудил, что ни к чему нагружать себя вещами, если собираешься жить и работать на почти необитаемом острове, расположенном на краю света. Униформа обычно прилагается к контракту. А все остальное он сможет купить на острове Льюис, когда, как заверила его Катриона, у него будет время на созерцание местных достопримечательностей. Но осматривать каменные глыбы он не собирался. Намного интереснее было пообщаться с местными жителями, расспросить их о маяке Эйлин Мор и обо всем, что с ним связано. И удобнее всего это сделать в каком-либо магазинчике, расплачиваясь за покупки. Таким образом, он мог приобрести сразу две вещи по цене одной – галантерейный товар и информацию. Причем вторую, которая была бесценна, практически даром.

Борис надел основательно потертые джинсы, клетчатую рубашку, закинул рюкзак за спину и вышел из квартиры, даже не потрудившись написать записку ее хозяйину. Он был слишком возбужден мечтами о будущем, чтобы задумываться о прошлом. Ключ он оставил под ковриком у порога.

День, в который начиналась его новая жизнь, обещал быть на диво хорошим. Утренний, но уже теплый ветерок ласкал кроны деревьев, те нежно шелестели листвой, вздрагивая в сладкой истоме под его робкими прикосновениями. И даже шустрые, встрепанные и чумазные городские воробьи чирикали не вразнобой, как обычно, а в лад, словно хором выводили какую-то мелодию. Они казались чуть сонными и уставшими, будто не спали в эту ночь, а предавались до утра веселью и любви.

- Эй, птахи, - окликнул их Борис. – Или вам тоже в ночь на Ивана Купала дозволено все?

Он вдруг все вспомнил. Мальчишкой, когда еще были живы его отец и мать, он проводил летние каникулы в деревне, у бабушки. И та рассказывала, что в ночь с 6 на 7 июля нельзя спать, потому что во сне, беспомощный, ты можешь стать жертвой нечистой силы. В эту самую короткую ночь в году нечисть получает законное право творить все, что ей вздумается, не страшась возмездия. Ведьмам дозволено танцевать на Лысой горе и приносить своему хозяину сатане человеческие жертвы, лешим – заводить путников в лес и там губить их, водяным – топить людей, колдунам – портить хлеба и молоко у коров.

Но и людям в эту ночь доступно многое из того, что было запретным ранее. Девушка может узнать свое будущее, пустив сплетенный из цветов венок по воде. А юноша без боязни быть утопленным может предаться плотской любви с русалкой, принявшей человеческий облик. И любой человек способен в одночасье стать богатым, отыскав в лесу цветущий папоротник, под которым скрывается несметный клад.

В древние времена, говорила ему бабушка Алевтина, старенькая, седенькая и беззубая, сама чем-то похожая на ведьму из сказки, но только очень добрую, день рождения Ивана Купалы отмечали многие народы. Только по-разному называли этот мистический, загадочный, разгульный и веселый праздник: в Литве - Ладо, в Латвии - Лиго, в Польше - Соботки, в Беларуси и на Украине - Купало или Купайло. Кто-то утверждал, что начало ему положил языческий Дажьбог, другие называли Иоанна Крестителя, а самые отпетые указывали на Ярилу, который издревле служил символом плодородия и мужской сексуальной мощи. Но на этом

бабушкины рассуждения обычно прерывались, и Борис так никогда и не узнал, что она сама думала об этом, и кому из этих богов и святых в дни своей молодости платила щедрую дань в бессонную и бесстыжую ночь, случавшуюся раз в году...

Это было так давно! С тех пор, как бабушка умерла, Борис ни разу не слышал про Ивана Купалу и забыл обо всех повериях, которые были с ним связаны. Мир словно потерял какие-то краски, поблек. Однако он этого даже не заметил.

Борис собирался пройти пару кварталов до автобусной остановки, дождаться первого автобуса и доехать до автовокзала. Оттуда каждые полчаса уходили рейсовые автобусы до аэропорта. Так было надежнее, чем в пять часов утра разговаривать с заспанным диспетчером и потом дожидаться заказанного такси, гадая, приедет оно или нет. Таксисты Владивостока никогда не отличались пунктуальностью, впрочем, как и все остальные жители этого суматошного города.

Однако не успел Борис сделать несколько шагов по направлению к автобусной остановке, как его догнал автомобиль, неизвестно откуда взявшийся на пустынной за мгновение до этого улице. Хромированная отделка, длинный узкий капот с венчающей его статуэткой Spirit of Ecstasy, несколько круглых и разных по размеру фар, которыми он надменно таращился на Бориса... Несомненно, это был ролс ройс, шикарный и чопорный, как истинный англичанин, которого непонятно каким ветром занесло в чуждый ему мир одного из спальных микрорайонов Владивостока с его узкими крутыми улочками и отвратительными дорогами. На вид автомобиль был такой древний, словно минувшую ночь, как и все предыдущие сто лет, он провел не в гараже, а в городском музее автотостарины.

Дверца ролс ройса распахнулась, как будто ее отворил невидимый швейцар, и лишенный интонаций голос окликнул Бориса из темной глубины салона.

- Прошу вас, господин Смирнов.

И Борис вошел в салон автомобиля, как Иона в чрево кита, словно повинувшись какой-то неведомой силе, принудившей его к этому. Опустился в мягкое, как желе, кресло. Пригласивший его мужчина был в роскошном, под стать автомобилю, смокинге и низко надвинутой на глаза шляпе с широкой тульей, смахивающей на ковбойскую. В сочетании со смокингом шляпа выглядела чужеродно и смешно, и оправдать ее можно было либо плохим вкусом, либо желанием незнакомца скрыть свое лицо, на которое тулья отбрасывала густую тень. Если бы на это принимали ставки, Борис поставил бы на второе.

- Я вижу, прекрасная Катриона все-таки убедила вас, - произнес тот.

Борису показалось, что если бы голос незнакомца мог выражать эмоции, в нем прозвучало бы осуждение. Поэтому он не совсем вежливо спросил:

- А вы кто такой, собственно говоря?

- И почему люди так любят на все вешать ярлыки? – поморщился его собеседник. - Имя всего лишь этикетка, на которой можно написать что угодно. А потом сменить и повесить новую. В зависимости от целей и обстоятельств. Разве не так, господин Смирнов?

- Может быть, у вас и так. У нас имя дается раз и навсегда, и менять его не принято, - ответил Борис.

Незнакомец не нравился ему. И, судя по всему, антипатия была взаимной.

- У нас, у вас, - неопределенно произнес тот. – Какое это имеет значение? Главное – умеете ли вы заставить плясать окружающих под свою дудку, даже против их собственной воли. Бойтесь ли вы солнечного света. В кого можете обратиться в случае необходимости. Насколько вы непредсказуемы. И сможете ли отказаться от драгоценных даров и принять то, что вам совершенно не нужно и бесполезно. А все остальное - условности, которыми человеческие существа усложняют свою и чужую жизнь.

- Вы подразумеваете такие моральные понятия, как «добро» и «зло»? – спросил Борис. Незнакомец вызывал в нем отвращение и любопытство одновременно. – Тогда позвольте с вами не согласиться.

- В этом смысле все мы подобны очень маленьким детям: то, что хорошо для нас – это благо, а что вредно – зло. И не спорьте со мной. А лучше обдумайте мои слова на досуге. За ними опыт веков.

Борис и не думал спорить. Вместо этого он нетерпеливо посмотрел на часы на своем мобильном телефоне, после чего выразительно взглянул на своего собеседника.

- О, понимаю, я вас задерживаю, - не обиделся тот. Возможно, простые человеческие эмоции были ему просто недоступны. – Вы очень спешите занять вакантное место главного смотрителя маяка на острове Эйлин Мор.

- Очень спешу, - подтвердил Борис. – А потому...

- А потому в ваших же собственных интересах выслушать меня, - не повышая голоса, перебил его незнакомец. – Может быть, это спасет вам жизнь. Или убережет от более серьезных неприятностей. Мой вам совет на будущее...

- Мне он не нужен, - вставил Борис.

Но незнакомец его словно не услышал и продолжал говорить.

- Прежде чем подписывать контракт, следует узнать историю вопроса. Например, что случилось с вашим предшественником. Или кому ваше назначение выгодно, а кто становится вашим врагом. Знаете ли, уметь выбирать друзей и врагов – это тоже искусство, которым овладеешь не сразу.

- Благодарю за урок, - хмыкнул Борис. – Но кто вам сказал, что мне требуется учитель?

- Молодость, молодость, - произнес незнакомец, но только легкий наклон шляпы выдал его отношение к этому пороку. – Ей никогда не нужен чужой опыт. И чужие знания.

Он замолчал, и если бы мог, то наверняка бы осуждающе вздохнул. Но вместо этого он открыл чемоданчик, который стоял у его ног, достал из него алмаз размером с голову младенца и протянул его Борису.

- Хорошо, перейдем к деловому обсуждению вопроса. Это вам за беспокойство, господин Смирнов. Поверьте мне, это хорошая компенсация. Продадите его – и будете жить безбедно до конца жизни. Заметьте – долгой жизни. В противном случае...

- И что произойдет в противном случае? – Борис не выносил, когда его к чему-то принуждали. В нем мгновенно пробуждалось чувство противоречия.

- Я не дам за вашу жизнь и ломаного гроша. Так, кажется, говорят у вас, людей? Мы не потерпим на своем острове чужаков, тем более из вашего мира.

- Именно поэтому бесследно исчезли три смотрителя маяка сто лет назад? – по наитию спросил Борис. Эта мысль пришла ему в голову внезапно, и он высказал ее, не успев даже обдумать.

- Они были не первыми в длинном списке жертв, и не последними, - последовал равнодушный ответ. – Неужели прекрасная Катриона не рассказала вам об этом? Кстати, ваш предшественник тоже умер не своей смертью. Он был из Франции. Его нашли утром, с переломанными костями и пробитым черепом. Он упал со скалы. Бедняга, вероятно, он долго и страшно мучился, прежде чем умер.

- Вы мне угрожаете? – спросил Борис. Вопрос был глупым, потому что ответ казался очевидным. Но он растерялся. Впервые ему пришла в голову мысль, что он поторопился согласиться на предложение неизвестной ему Катрионы, не расспросив ее как следует. Незнакомец в нелепой шляпе был прав. Но именно это и вызывало неприятие Бориса. Почему-то он испытывал непреодолимое желание досадить своему собеседнику, во что бы то ни стало. А для этого, понимал он, придется рискнуть жизнью. И, несомненно, отказаться от алмаза. А это

было даже труднее. Драгоценный прозрачный камень был прекрасен, он притягивал взгляд, и даже в полумраке салона светился изнутри, словно прятал в себе маленькое солнце.

- Я мог бы ослепить вас. Или погрузить в забвение и заставить забыть даже собственное имя. Но угрожать... Нет, это не мой стиль. Поэтому я не угрожаю вам, а предупреждаю. Не убиваю, а покупаю. Неужели вам не ясно это?

- Более чем, - ответил Борис. – Однако я отказываюсь от вашего предложения. Оно заманчиво, не скрою. Но...

- Но прекрасная Катриона заманчивее, не так ли? – без насмешки спросил незнакомец, пряча алмаз обратно в чемоданчик. – Я вижу, ее чары оказались сильнее, чем я предполагал. Вероятно, в своих расчетах я не учел ночь на Ивана Купалу. Другой народ, чужие нравы и обычаи. Ее сила возросла. На этот раз я проиграл. Но будут и другие ночи, не так ли? И тогда все обернется по-другому.

- Желаю удачи, и прощайте, - сказал Борис. – Я спешу.

- Да, да, навстречу своей судьбе, - ответил незнакомец. – И Катрионе.

- Даже если так, что вам с того? – грубо ответил Борис.

- Мне? Ничего. А вот вам следовало бы знать, что день неприятно преобразует эльфийских женщин. Прекрасные в лунном свете, в лучах солнца они становятся безобразными. Если не ошибаюсь, вы встречались с Катрионой этой ночью, при свете луны?

- Ошибаетесь, - улыбнулся Борис. – Мы говорили по телефону. Я был очарован ее голосом. Надеюсь, на голос луна никак не влияет?

Он вышел из автомобиля, хлопнув дверцей. И мог бы торжествовать победу над незнакомцем, в глазах которого при его последних словах впервые промелькнула какая-то тень, похожая на растерянность. Однако выпущенная тем на прощание парфянская стрела все-таки попала в сердце Бориса. А вдруг Катриона на самом деле уродлива? Почему это его так неприятно взволновало, Борис не смог бы ответить. Он обернулся. Но автомобиль уже скрылся за поворотом. Или просто растаял в воздухе. Шума двигателя за своей спиной Борис не слышал. Быть может, тот заглушили его собственные шаги.

А Фергюс, оставшись в салоне один, снял шляпу, обнажив голову с непомерно большими и заостряющимися кверху ушами, поросшими густой бурой шерстью, а затем нажал кнопку, утопленную в подлокотник кресла. Непрозрачная перегородка, отделяющая его от водителя, плавно ушла вниз.

- Ты видел его? - спросил эльф.

- Да, - последовал короткий ответ.

- Ты хорошо запомнил его?

- Да.

- Ты знаешь, что надо делать?

На этот раз его немногословный собеседник только кивнул головой.

Фергюс снова достал из чемоданчика драгоценный камень и протянул его тому, кто сидел рядом с водителем.

- Алмаз твой. Но запомни - нам не нужны мученики. Когда они умирают, рождаются проблемы. То, что произошло с тем французом... Он должен был просто покинуть остров.

- Это вышло случайно. Я сожалею.

Фергюс с сомнением посмотрел на своего собеседника.

- Чтобы избежать подобных случайностей, этот русский не должен добраться до острова. Ты справишься с этой задачей?

- Я справлюсь.

Полученное обещание никак не отразилось на лице эльфа. Без тени эмоций он произнес:

- Постарайся. Речь идет о будущем нашего народа.

- Я понимаю. Ты щедро заплатил мне. Я буду очень стараться.

- Я в этом не сомневался, - сухо произнес Фергюс и снова нажал кнопку. Непроницаемая перегородка плавно поднялась. И он остался один, погруженный в свои мысли. Глаза его, в которых не отражалось ничего, были полуприкрыты, а заостренные кончики мохнатых ушей слегка вздрагивали, словно от ветра.

- И все-таки я ему не доверяю, - произнес он вслух. – Тот, кто подвел один раз, может подвести и во второй. Для верности мне нужен кто-то еще.

Фергюс никогда не клал все яйца в одну корзину.

Глава 6

Следующие сутки слились для Бориса в одну головокружительную карусель аэропортов, автовокзалов, морских причалов и дорог, которые пролегали между ними. Завесу тумана изредка разрывал звонок мобильного телефона. Голос в трубке говорил ему, что делать и куда идти, он выслушивал и подчинялся. Система вербальных указателей работала безотказно. Но когда до конечной цели оставалось совсем немного, она неожиданно дала сбой.

Когда Борис вышел из самолета местной авиалинии, который выполнял чартерный рейс до острова Барри, у трапа его поджидал низкорослый мужчина в темно-зеленом кепи с огромным козырьком, позволявшим видеть только его небритый, словно поросший мохом, подбородок. В руках он держал табличку, на которой было криво написано от руки большими буквами: «Borriss». Изъяснялся он на непонятном Борису гэльском языке, родном для жителей Гебридских островов, а также жестами и мимикой. Но Борис так ничего и не понял. Тогда мужчина с досадой махнул рукой, повернулся и пошел, сделав ему красноречивый знак следовать за собой.

За воротами аэропорта их поджидал старенький, весь во вмятинах и с облезлой краской, двухместный автомобиль, в крошечном салоне которого они с трудом разместились. Мужчина был, говоря по-русски, никудышным водителем. Он то немилосердно жал на газ, то слишком резко тормозил, автомобиль трясло, кидало из стороны в сторону, и то и дело заносило на обочину. Когда они, примерно через полчаса, пересекли остров и остановились, едва не заехав в море, Борис испытал прилив радости, что они добрались до места назначения живыми и невредимыми. Но затем мужчина уехал, даже не кивнув ему на прощание, и радость Бориса померкла. Он помнил, что на острове Барра должен был пересесть на морской паром до острова Льюис. Но там, куда его привезли, парома не было. А сам причал - уходящие в море деревянные полусгнившие мостки с гнутыми от сырости перилами, - выглядел слишком хлипким и ненадежным, чтобы служить пристанищем для морского парома, пусть даже со скидкой на малые размеры островов, которые тот связывал между собой. Самое большее, что этот причал мог себе позволить – это рыбацкая лодка, возвратившаяся с уловом, да один-два рыбака, которые с трудом смогли бы разминуться на его мостках. Борис напрасно прождал минут десять, затем решил позвонить по одному из номеров, которые должны были остаться в памяти телефона после звонков с указаниями по маршруту. Однако мобильника не было. Борис вывернул все карманы, и даже вытряс рюкзак. Но не нашел его. То ли он выпал в самолете, то ли каким-то неведомым образом трубку утащил его недавний провожатый. Борис вдруг вспомнил, что несколько раз тот, как будто случайно, прикасался к его одежде. Верить в это не хотелось. Но других версий не приходило на ум.

И вокруг не было никого, кто бы мог прийти ему на помощь.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, - пробормотал Борис растерянно. – Или лучше сказать, применительно к случаю, день на Ивана Купалу? Эй, Катриона, ты меня слышишь? Отзовись! Или явись! Как там говорилось в сказке про Конька-Горбунка? Встань передо мной, как лист перед травой! Или это было про Сивку бурку, вещую каурку? А, чтоб их всех корова забодала!

Борис окончательно запутался в персонажах русских народных сказок и отвел душу, осыпав их проклятиями. Но все равно слышали его только чайки, низко летающие над водой и издающие изредка удивленные гортанные и протяжные возгласы.

Близился вечер. Сумерки начали скрадывать расплывчатые очертания горизонта. Море нахмурилось, небо полиловело. Пейзаж был красивым, но слишком пустынным для человека, который за несколько часов пересек почти полмира, а сейчас был вынужден томиться в неизвестности на берегу чужого ему Гебридского моря, одно название которого уже вызывало у

него ледяную дрожь, сопровождающую предчувствие чего-то недоброго, что могло с ним случиться.

Борис с самым унылым видом и не противоречащим ему настроением сидел на мостках уже целый час, когда к причалу подошла рыбацкая лодка под парусом с надписью «Эйлин Мор» на борту. Управлял ею какой-то мужичок в непромокаемой брезентовой робе и наброшенной на голову зюйдвестке, которая скрывала его лицо. Он что-то лопотал на своем языке, вероятно, тоже гэльском, но сумел понять много раз повторенное «Эйлин Мор» и умоляющие жесты Бориса. Рыбак показал растопыренную пятерню, и теперь уже Борис догадался, что морская прогулка до маяка на лодке с одноименным названием обойдется ему в пять фунтов стерлингов. Он радостно закивал, достал деньги, которые, на свое счастье, обменял в лондонском аэропорту, показал их рыбаку. Тот кивнул, и Борис запрыгнул в лодку. Рыбак взялся за весла. Когда они отошли от берега на достаточное расстояние, то пошли под парусом, который туго надувал свежий вечерний бриз. Лодка мягко покачивалась на воде, разрезая носом волну. Горизонт окрасился в багровые тона. Огромная луна зависла над лодкой, проложив широкую серебристую дорожку по морю. Борис сидел на корме, прикрыв глаза. Он и сам не заметил, как заснул, убаюканный усталостью, качкой и равномерным плеском волн.

В своем сновидении он пробирался сквозь густой и влажный туман. Где-то далеко впереди мерцало едва различимое пятно света, то мутно-белое, то блекло-красное, то пожухло-зеленое. Струи воды стекали по его лицу, словно обильные слезы, ослепляя и вынуждая идти с протянутыми руками, чтобы невзначай не наткнуться на невидимую преграду. Неожиданно его нога ступила в пустоту, он не смог остановиться, и началось затяжное падение в бездну, безмолвное и оттого еще более ужасающее. Это был не полет, как иногда бывает во сне, а именно падение, разрывающее сердце и лишающее разума, и оно длилось вечность. И где-то там, на дне, Борис знал это, его ждало нечто такое, чего человеческий разум не смог бы осознать и принять...

Лодку качнуло на высокой волне, морская вода щедрой горстью плеснула ему в лицо. Борис открыл глаза и то, что он увидел, на какой-то миг парализовало его. Крадучись, словно дикая кошка, к нему приближался рыбак с багром в руках, поднятым над головой. Стальной крюк хищно поблескивал в свете луны. Сомнений в том, что рыбак задумал, быть не могло, однако Борис, как зачарованный, продолжал смотреть на него, не в силах стряхнуть с себя оцепенение. И только когда рыбак, подойдя на расстояние вытянутой руки, взмахнул багром, чтобы раскроить ему череп, Борис пришел в себя. Он прогнулся назад и ударом ноги в живот отбросил рыбака на несколько шагов. Тот, выпустив багор из рук, скрючился от боли. Зюйдвестка слетела с его головы, обнажив крошечный череп, заросший грязной свалывшейся шерстью. Внезапно он оскалился и зарычал, обнажив желтые кривые зубы. Глаза его сверкали от ненависти. Борис содрогнулся от ужаса, но не дрогнул. Он подхватил багор, лежавший на палубе, и приготовился к нападению. Между ними было расстояние в три шага, его можно было преодолеть одним прыжком, но Борис не собирался рисковать. Утлую лодку качало на волнах, и ему было нелегко даже просто стоять в ней и удерживать равновесие. Багор давал ему преимущество в драке, но все остальное было против него – море, ночь, неожиданность нападения, обессиливающий невольный страх, а главное, вся его предыдущая жизнь, в которой не было места смертельной ненависти и опыта убийства. Тем не менее, сейчас он должен был убить другого человека, защищая свою жизнь. И он, подчиняясь инстинкту самосохранения, сделал бы это, рискни рыбак приблизиться к нему. Тот это понял. И не стал искушать судьбу. Вместо этого он бросился в воду. Одно мгновение – и море без всплеска сомкнулось над его головой. Но перед этим в лунном отблеске мелькнула буро-зеленоватая спина огромного угря с желтизной на боках, который некоторое время кольцеобразными движениями скользил близко к поверхности воды, а затем ушел в глубину.

Борис встряхнул головой, отгоняя наваждение.

- И почудится же такое, - вслух произнес он, только чтобы нарушить тишину. Но от звука собственного голоса ему стало еще страшнее. Казалось, что из ночного мрака, из искрящейся морской воды, из низко нависшего над головой сумрачного, в светлых лунных прожилках, неба – отовсюду и разом на него вдруг набросятся чудовища, о существовании которых он даже не подозревал, уродливые, жестокие и безжалостные.

Было очень темно, потому что луна зашла за тучу. Где-то далеко мигала бело-красно-зеленая точка, вероятнее всего, это предупреждал корабли об опасности маяк Эйлин Мор. Но вокруг была только вода, черная, как смола. И никаких признаков близкой земли. Борис подумал, что рыбаку, как бы хорошо он ни плавал, ни за что не добраться до берега ночью. И рыбак, лучше его, городского жителя, понимая это, не стал бы удаляться от лодки, даже страшась мести. Лодка по-прежнему шла под парусом в неизвестном Борису направлении. Он склонился над бортом и окликнул рыбака. Но никто не ответил. Борис вскочил на ноги и вгляделся внимательнее в море. Никого не увидел. Тогда он закричал. Ни звука, ни всплеска в ответ. Рыбак, если и был жив, явно не хотел рисковать, отдавая себя на милость победителя.

Пора было подумать о собственной безопасности. Лодкой никто не управлял, кроме ветра и морского течения. Штурвал был накрепко прикручен обрывком линя. Борис убедился в этом уже через минуту. А еще через пару минут краешек луны вдруг высунулся из-за тучи, и Борис увидел, что лодка держит курс на скалистый берег, который неожиданно оказался гораздо ближе, чем он думал.

И тогда Борис, как ему показалось, понял, почему рыбак не хотел возвращаться в лодку. Морские волны, подгоняемые луной, ветром и течением, словно мощный таран, способный разрушить любую преграду, налетали на берег, с грохотом разбивались о камни, струились по ним вверх, превращаясь в водяные столбы невиданной высоты, а затем с силой обрушивались вниз, подобно гигантскому водопаду. Если лодку разобьет о скалу, то выбраться на берег человек не сможет, даже будь он прекрасным пловцом – его убьет либо низвергающимся потоком воды, либо ударом о камни. В любом случае гибель неизбежна.

Борис бросился к штурвалу, торопливо, ломая ногти, развязал мокрый узел, которым линь был привязан к мачте, и поворотом штурвала изменил курс. Но он был неумелый мореход. Слишком резко повернув лодку, он поставил ее боком к волне. Лодка накренилась, ее мачта почти коснулась воды... Мгновение отделяло ее от крушения. Но все-таки она выровнялась, мачта победно взметнулась вверх. И лодка начала удаляться от скалы. Появилась надежда на спасение, она окрепла, переросла в уверенность. Борис с облегчением перевел дух.

- Ого-го! – закричал он во все горло, не в силах справиться с нахлынувшими на него эмоциями. – Я великий мореход Синдбад! И это мое восьмое путешествие!

Захватывающие дух приключения Синдбада-морехода, описанные в книге сказок «Тысяча и одна ночь», еще в детстве потрясли его воображение. Позже он перечитывал их много раз и вновь неизменно поражался острову, оказавшемуся большой рыбой, гигантской птице рухх, кормившей своих птенцов слонами, людям, у которых каждый месяц вырастали крылья, и они улетали к облакам небесным, чтобы слушать славословия ангелов. И то, что с ним случилось, казалось ему достойным легендарного морехода. Ведь и Синдбад, испытав смертельные опасности и пережив всевозможные ужасы, неизменно возвращался домой, в свой любимый город Басру.

Но радость Бориса оказалась преждевременной. Неожиданно непроглядная тьма перед ним расступилась, как будто черный занавес вспороли острым ножом, и он увидел двухмачтовое парусное судно. Его паруса выгнулись дугой от ветра. Они сближались слишком стремительно, чтобы иметь малейшую возможность разминуться. Кроме того, на палубе судна не было видно ни одного человека, даже на капитанском мостике. Штурвал, оставленный без присмотра, крутился сам по себе, заставляя судно рыскать носом, словно оно, принохиваясь, шло по следу. Борис не успел даже закричать, как судно подмяло его крошечную лодку под себя.

Раздался треск деревянных бортов, во все стороны полетели обломки лодки. А человека, как из катапульты, выбросило далеко в море. Это спасло ему жизнь. Он не попал под киль судна, его не покалечило, и он не пошел на дно, откуда уже не смог бы выплыть.

Судно, не замедлив хода, прошло мимо и снова скрылось во тьме, как будто его никогда и не было. Могло показаться, что все это только привиделось Борису. Но смертельная опасность, которая теперь ему грозила, была не призрачной, вычитанной из сказок о Синдбаде-мореходе, а реальной и неотвратимой.

Течение подхватило человека и понесло к скалам, волны захлестывали его с головой. Однако он упрямо продолжал бороться за свою жизнь, не желая признавать, что обречен. Но еще несколько взмахов руками – и намокшая одежда потянула его под воду... Сопrotивляться уже не было сил... Он вздохнул, но вместо воздуха в легкие полилась морская вода...

И в это последнее перед смертью мгновение чья-то рука безжалостно схватила Бориса за волосы, вытягивая на поверхность моря и давая возможность дышать. Над ним навис борт резиновой моторной лодки, низко сидящей в воде. Кто-то, невидимый в темноте, подхватил его под руку, помогая взобраться в лодку. Борис перевалился через борт и свалился на дно, между скамеек. Но он уже успел наглотаться воды, и теперь жидкость хлюпала в его легких при каждой попытке сделать вдох. Неизвестный спаситель с силой надавил ему на грудь, еще раз и еще, а затем прижал свой рот к его рту, резко выдохнув. Ощущение было приятным, несмотря на резкую боль от сломанного ребра. Губы, которые пытались вдохнуть в него жизнь, оказались мягкими и теплыми, они дарили покой и блаженство. Они напомнили ему недавний сон, в котором он умер и ощутил блаженство. И Борис, прежде чем кануть во мрак, ответил на поцелуй...

Глава 7

Желтое такси долго петляло по узким коротким улочкам, густо заросшим зелеными насаждениями, через которые виднелись красными пятнами черепичные крыши небольших частных домиков. Это походило на поездку по лабиринту, в котором не было спасительной нити Ариадны. И тот, кто не знал маршрута, мог бы легко здесь заблудиться. Наконец автомобиль остановился напротив одного из домиков. От дороги его отделяла не привычная оградка, а живая изгородь из высоких густых колючих кустов, которые выставляли, как разозленные ежи, тысячи шипов. Для прохода в изгороди было оставлено узкое пространство длиной в три-четыре шага, но разглядеть его можно было, только подойдя почти вплотную. Кусты облепили птицы, громко и радостно прославлявшие солнечный день, жизнь и Творца. Когда подъехал автомобиль, они умолкли. Однако, увидев Катриону, снова начали чирикать, тренькать и клеко-тать. Но когда следом из салона появился Грир, опять замолчали, дружно вспорхнули и шумной встревоженной стайкой куда-то улетели.

Грир со злостью ударил носком лакированного узконосого ботинка колесо автомобиля.

- Поистине, это прокрустово ложе! – пробурчал он. - И как только люди могут передвигаться на этом ужасном приспособлении для пыток? Телепортация в сравнении с ней просто прогулка на морской яхте в полный штиль.

- Хороши бы мы были, явись на глазах у соседей из ниоткуда, - улыбнулась Катриона. – В средние века за такой фокус нас запросто сожгли бы на костре.

- Попробовали бы они, - буркнул Грир, бросив угрожающий взгляд вокруг. – Ты меня недооцениваешь, Катриона.

- Возможно, - согласилась девушка. – Но я думала не о тебе, а о своей маме. Мы пришли и ушли, а ей здесь жить. И я не хочу, чтобы у нее возникли проблемы с соседями, и ей пришлось бы переезжать. Она не хочет больше скитаться по свету. Ей здесь нравится. С этим домом у нее связано много воспоминаний. Я и сама выросла в этом доме, Грир. Так что прошу тебя...

- О чем бы ты меня ни попросила, считай, что это уже выполнено, прекрасная Катриона, - с обворожительной улыбкой произнес Грир, пытаясь взять ее руку и поцеловать.

- Только об одном - никаких сверхъестественных явлений, пока мы здесь, - договорила Катриона, мягко, но решительно отнимая свою руку. – Отпусти, ты мне мешаешь расплатиться!

Она вынула из сумочки крупную купюру, протянула ее водителю. Тот был обижен из-за грубой выходки Грира, поэтому даже не поблагодарил. Такси уехало, презрительно пофыркивая мотором. Катриона и Грир прошли через прореху в зеленой изгороди во двор дома. Здесь никого не было. Беседка была пуста и выглядела заброшенной. Поскрипывали качели, качаемые ветром. Флюгер-петух на крыше вертел головой, наблюдая за тем, что происходит в соседских дворах. В воздухе пахло раздавленной ягодой и пылью. Катриона задумчиво улыбнулась. Ничего не изменилось с тех пор, когда она была ребенком и гуляла в этом дворике, всегда одна. Мама не выходила из дома, пока не наступала полночь, и в небе не появлялась луна. В любое другое время она предпочитала полусумрак комнат, окна которых были завешены плотными, пропускающими солнечный свет, портьерами. Это была одна из странностей ее мамы, которые Катриона принимала так же безропотно, как природные явления - сверканье молнии, раскаты грома, дождь или снегопад, не задумываясь, чем они вызваны.

- Грир, мне надо предупредить маму, что у нас гость, - сказала Катриона. – Ты можете пока присесть вот на эту скамейку. Только смахни с нее пыль.

- О, аудиенция! У меня такое чувство, что меня собираются представить королеве, - произнес Грир. – Но мне это даже нравится.

- Вот и хорошо, - сказала Катриона и прошла в дом.

Внутри было пустынно и прохладно. Очень мало мебели и много сумрака. Где-то в глубине дома тихо звучала грустная музыка. Мама могла играть на арфе часами, думая о чем-то своем, неизвестном Катрионе. Девушка бесшумно прошла по анфиладе комнат. Снаружи дом казался крошечным, а внутри был просторным и гулким, как пещера Фингала, вымытая в скале морской водой на острове Стаффа. Воссозданная мамой иллюзия «пещеры мелодий» была точной, до мельчайших деталей, копией оригинала, включая вертикальные шестигранные базальтовые колонны и уникальную акустику. Диссонанс в зрительное восприятие вносили только два мужских портрета, висевшие на противоположных друг другу стенах. Но даже при этом изображенные на них мужчины умудрялись смотреть в разные стороны. А, оже, быть, это только казалось.

Если бы не гость, Катриона не стала бы отрывать маму от музицирования, одного из тех немногих занятий, которые приносили ей радость. Но пришлось. Катриона беспокоилась, что оставленный без присмотра Грир, энергичный, как шарик ртути, не утерпит, не смотря на свое обещание, и со скуки или просто ради озорства что-нибудь натворит, перепугав всех соседей. Она уже поняла, что к людям ее новый знакомый относится с презрением и, как истинный эльф, не упустит ни малейшей возможности напасть на них, чем только возможно.

- Мама! – мысленно позвала Кэтрион, и музыка сразу смолкла.

Через мгновение в дверях показалась Арлайн. Издали ее еще можно было принять за сверстницу своей дочери – изящная, тоненькая, легкая, она словно не шла, а парила над полом. И только голубые глаза ее были слегка затуманены. Катрион поняла, что она плакала.

- Что случилось, мама? – с нежной заботой спросила девушка. – Чем ты опечалена?

- У соседей полгода назад родился младенец, – тусклым голосом произнесла Арлайн. – Говорят, это был очень здоровый и крепкий малыш. И вдруг он захворал, а еще у него начал расти горб... Катриона, мне страшно!

- С каких это пор ты начала бояться горбатых человеческих младенцев? – удивилась Катриона. – Да в сравнении с теми же очоками, у которых горб растет из груди, я уверена, этот младенец просто красавец!

- Ты не понимаешь, – покачала головой Арлайн. – В этом могут обвинить меня. Ведь я какая-никакая, а эльфийка. Следовательно, по человеческой логике, могла запросто подменить младенца. Подложила в люльку уродца, который мучает всех окружающих криком и капризами.

- А разве соседи знают, что ты эльфийка? – спросила Катриона с улыбкой. – Бьюсь об заклад, они тебя и в глаза не видели с тех пор, как ты здесь поселилась. За редким, быть может, исключением.

- Но они видели тебя, когда ты была маленькой и гуляла во дворе, – возразила Арлайн.

- И что с того? На лбу у меня не написано, что я эльфийка.

- А ты посмотри на свои уши, – предложила Арлайн. – Это твоя визитная карточка.

Катриона подошла к зеркалу, завешенному куском ткани, откинула ее и начала разглядывать свое отражение.

- А что, очень даже симпатичные ушки, – заявила она, состроив гримаску. – Просто на загляденье. Всем ушкам ушки!

Уши у нее действительно были маленькие и розовые, с чистой нежной кожей. Катриона каждый вечер тщательно выщипывала с них малейшие волоски, чтобы они походили на человеческие. Однако эпиляция не могла изменить их форму – как у всех эльфов, уши Катрионы были заострены кверху, и ей тоже приходилось носить широкополые шляпы, если она не собиралась привлекать внимания людей, с которыми ей часто приходилось встречаться по работе. Но сейчас она хотела успокоить маму, и поэтому старалась скрыть этот свой крошечный дефект – дефект с точки зрения человека, разумеется.

- И вообще, мама, я у тебя красавица, – констатировала она. – Вся в тебя!

Арлайн улыбнулась. И туманная дымка в ее глазах растаяла, они заблестели, как будто яркая луна осветила их изнутри.

У Катрионы дрогнуло сердце. Мама часто плакала, и то, что сегодня причиной ее слез стал соседский младенец, было случайностью. Но из-за чего она страдала в действительности, Арлайн скрывала от дочери. А когда та начинала расспрашивать, становилась отчужденной и холодной. Поэтому Катриона предпочитала молчать и делать вид, что она ничего не замечает.

Чтобы скрыть от мамы свои мысли, Катриона воскликнула:

- А ведь я не одна! Принимай гостя, мама. Он очень хотел с тобой встретиться. И я не смогла отказать.

- Это твой друг? – с робкой надеждой спросила Арлайн.

Ушки Катрионы от смущения покраснели.

- Что ты, мама, - ответила она. – Как ты могла подумать такое! Это... Просто знакомый.

- А жаль, - огорченно вздохнула Арлайн. – Тебе уже сто с лишним лет. Пора бы задуматься о замужестве и собственных детях.

- Мама, мне всего сто с небольшим хвостиком лет, - засмеялась Катриона. – Но не вздумай об этом говорить при людях. Они ужаснутся, и моя репутация юной девственницы будет безнадежно испорчена. Для них сто лет – это действительно древний возраст. И редко кто из людей доживает до него.

- Каким людям? – удивилась Арлайн. – Ты прекрасно знаешь, что я не встречаюсь с людьми.

- И ни с кем другим тоже, - подхватила Катриона старую тему. – Даже с духами. Ты затворница, мама, ты знаешь это? У людей таких называют монашками. Они посвящают свою жизнь Творцу, никогда не выходят за стены монастырей, а иногда даже за пределы своих келий, день и ночь молятся, молятся, молятся... Подумать только, это сколько же надо было нагрешить, чтобы потом пришлось так много каяться!

- Иногда достаточно и одного греха, чтобы отмаливать его всю оставшуюся жизнь, - грустно взглянула на нее Арлайн. – Но я надеюсь, что ты, моя родная, никогда об этом не узнаешь.

- Разумеется, - беспечно заявила Катриона. – Так что насчет Грира? Я могу его пригласить войти в дом?

- Его зовут Грир? – улыбнулась Арлайн. – Красивое и древнее эльфийское имя. Кто он и откуда?

- Ты не поверишь, но я не знаю! – воскликнула девушка. – Я случайно встретила его сегодня в Париже. Он зачем-то зашел в наше посольство. А до этого мы встречались с ним на конгрессе. Помнишь, в мае я уезжала на несколько дней? Я тебе рассказывала.

- Конечно, помню. Во Владивосток. Это в России, где-то на самой ее окраине. Но о Грире ты ничего мне не говорила тогда.

- Вероятно, просто забыла, - глаза Катрионы были слишком честными, чтобы Арлайн могла поверить в то, в чем ее хотела убедить дочь. – Мы столкнулись с ним, когда он, как потерянный, бродил по коридорам, с этажа на этаж, в поисках выхода. Он сказал мне, что не выносит скучных заседаний и тесных душных залов, потому что привык к вольным морским просторам. И мы с ним познакомились. Ведь я же не могла бросить своего сородича на произвол судьбы, правда?

- Разумеется, - понимающе улыбнулась Арлайн.

- Грир – капитан пакетбота! Ты бы слышала, с какой гордостью он это произносит. Перевозит пассажиров и почту между островами архипелага Внешних Гебрид. Это все, что он сказал мне о себе.

- И каким бризом его занесло на конгресс? – улыбнулась Арлайн. Ей было приятно видеть восторженность дочери, которая могла предвещать перемены в ее отношении к браку.

- Попутным. Его включили в состав делегации от острова Эйлин Мор, представлять интересы эльфов.

Улыбка сошла с губ Арлайн.

- Эйлин Мор, - повторила она тихо. Побледнев, спросила: – Ты уверена, что правильно сделала, приведя его сюда?

- Я тебя не понимаю, мама! - воскликнула Катриона. – Ты всегда тосковала по этому острову, сколько я себя помню. И вот появляется эльф, который может рассказать тебе обо всем, что там происходит. Ты можешь узнать новости, что называется, из первых уст, а ты не хочешь его даже увидеть?

- Почему же, - пожала плечами Арлайн. – Пусть заходит.

- А я уже здесь, - раздался жизнерадостный голос Грира. – Не дожидаясь приглашения. Я чуть было не умер со скуки в вашем миленьком дворике. А еще мне показалось, что на меня угрожающе пялятся из кустов чьи-то глаза. Человеческие, разумеется. А поскольку я обещал Катрионе, что ни с одним человеком в этой округе ничего не случится, то я счел за лучшее войти в дом. С глаз долой – из сердца вон. Так кажется, говорят люди?

- Именно так, - кивнула Катриона. – Но мне кажется, Грир, что ты все это выдумал. И никаких глаз в кустах не было.

- Были, были, поверь мне на слово, - пробормотал Грир. Он заметил портреты на стенах, и уже почти не слушал Катриону. Чтобы лучше разглядеть их, он даже подошел ближе. Художник выткал изображения мужчин на гобелене и, помимо внешнего сходства, попытался показать их духовную сущность, которую, по-видимому, ценил больше. Мужчины были очень разные, но в их чертах проглядывало что-то общее. Возможно, это были те чувства, которые испытывал к ним сам художник.

- Мне кажется, это человек, - с удивлением произнес Грир, указывая на портрет рыжеволосого мужчины с веселым лицом. - Кто он вам?

- Мой друг, - ответила Арлайн. – Мой старый добрый друг. И он действительно человек, ты прав. Ты считаешь, что у нас, эльфов, не может быть друзей среди людей?

- А ты считаешь иначе? – удивленно воззрился на нее Грир.

- А почему бы и нет?

- Да хотя бы потому, что люди так недолговечны, - пожал плечами Грир. – Как можно дружить с мотыльком-однодневкой? Не успеваешь привыкнуть к нему, как он уже - хлоп! И сложил свои крылышки, умер. А ты вскоре даже не можешь вспомнить, как он выглядел, не говоря уже об его имени.

- Он шутит, мама, - произнесла Катриона. – Грир, перестань, прошу тебя!

- Как скажешь, - согласился Грир. – Но разве я не прав? Или этот друг твоей матери все еще жив? Судя по выцветшему холсту, этот портрет мой ровесник.

- Ты прав, Грир, - спокойно заметила Арлайн. – Джека уже нет. Только он не умер, а погиб на войне. Люди называют ее Первой мировой. Но это не мешает мне все еще считать его своим другом.

Но внимание Грира уже привлек другой портрет, и он не слушал ее.

- А вот это не человек, а эльф, - заявил он. - И я его знаю, мне кажется. Только здесь он намного моложе. И знаете, что еще? Между портретом и оригиналом такое же сходство, как между яблоком на ветке и сухофруктом.

- Он был таким сто лет назад, - возразила Арлайн. – И едва ли ты с ним знаком, Грир.

- А вот и знаком, - упрямо произнес тот. – Это Фергюс, ведь правда?

Катриона с любопытством посмотрела на мать. До сих пор она как-то не связывала этот привычный с детства портрет с одним из самых известных в мире духов представителем народа эльфов. Мама никогда не говорила, кого она изобразила на портрете, который выткала в давние-давние времена, возможно, еще до рождения дочери. Но сейчас девушка вдруг увидела

несомненное сходство. Это действительно был Фергюс, с которым она встречалась не далее как этим утром, но только отдаленный во времени. Таким он мог быть в юности, если бы подобная метаморфоза была возможна в принципе. Этот сияющий, казалось, изнутри неземным светом юноша на портрете и сухой, педантичный брюзга из Совета XIII – они не могли быть одним и тем же эльфом. И, тем не менее, это было так. Катриона поняла это, взглянув на мать. Глаза Арлайн выдали ее с головой, столько в них было боли и вины. И Катриона поспешила ей на помощь.

- Нет, Грир, ты ошибаешься, - заявила она. – Это не Фергюс. Возможно, это какой-то его дальний родич. Ведь все эльфы, по сути, родственники, разве не так? У них общие предки. И нет ничего удивительного в том, что иногда совершенно чужие друг другу эльфы внешне похожи.

- А ведь верно, - кивнул Грир. – Такое действительно случается. Однажды меня самого перепутали. И знаете с кем?

Он с плохо скрываемой гордостью смотрел на эльфиек, предвидя ошеломительный эффект, который должно было произвести произнесенное имя.

- Даже не догадываемся, - ответила Катриона, переглянувшись с матерью.

- С капитаном Филиппусом Ван дер Виттом!

- Да что ты говоришь, - вежливо удивилась Катриона. – А кто это такой?

Григ был поражен.

- Как, вы не знаете, кто такой капитан Филиппус Ван дер Витт? – воскликнул он. – Не может этого быть!

- Может, - успокоила его Катриона. – Ведь мы с мамой сухопутные крысы. Так, кажется, выражаются старые морские волки, к которым, несомненно, принадлежишь и ты, Грир?

Но Грир не поддался на лесть, настолько он был возмущен.

- Филиппус Ван дер Витт - легендарный капитан «Летучего Голландца»! – произнес Грир торжественно. – И не пытайтесь меня убедить, что вы ничего о нем не слышали.

- Хочешь вересковый эль, Грир? – спросила Арлайн на правах хозяйки дома. – Или, быть может, что покрепче - шотландский виски? Промочишь горло – и расскажешь нам все, что знаешь о капитане Филиппусе Ван дер Витте. Я с удовольствием послушаю.

- Тогда шотландский виски, - улыбнулся Грир. – Эль, конечно, древний напиток, его варили еще пикты в горах Шотландии, и пили даже короли Пиктландии. Я читал об этом в записках мореплавателя Пифея, который жил в четвертом веке. Но для настоящего моряка нет ничего лучше «воды жизни». Ведь именно так переводится с гэльского языка слово «виски». Мы, моряки, считаем его лучшим лекарством на свете. Виски продлевает жизнь, лечит от колик живота, от паралича и даже от оспы.

Арлайн вышла и вскоре принесла два графина - один с виски, прозрачным, как слеза, второй с минеральной водой, - и большой граненый стакан с толстым дном. Поставила все это перед гостем на большой камень, служивший столом. Но Грир запротестовал.

- Ни к чему портить вкус хорошего шотландского виски, - сказал он, отодвигая графин с водой. Зато стакан для виски он наполнил почти доверху. Поднял его на уровень глаз. Полюбовался на прозрачную жидкость. Вдохнул ее аромат. И только выполнив этот ритуал, одним глотком опорожнил содержимое стакана. По его лицу медленно расплылась довольная улыбка. Грир хорошо разбирался в спиртном. Виски, которое ему подали, было отменным.

Женщины с улыбкой наблюдали за капитаном и ждали, когда он вспомнит о своем обещании.

Грир легко менял темы разговора, следуя природному и неискоренимому свойству своей натуры. Он уже забыл о Фергюсе, зато его воспламенила мысль поведать Катрионе и ее матери об одном из увлекательнейших приключений своей жизни. Самой любимой темой Грира в

любой беседе был он сам. И рано или поздно он все равно сворачивал на эту проторенную тропу, по какому бы пути ни шел до этого.

Он присел на один из плоских камней, которые заменяли в доме стулья, поерзал тощим задом, устраиваясь поудобнее, снова наполнил стакан виски и начал свой рассказ.

Глава 8

Филиппус Ван дер Витт жил в семнадцатом веке в Нидерландах, а это значит, что в то время он был одним из самых искусных и бесстрашных моряков в мире. Он участвовал в Восьмидесятилетней войне за независимость своей страны от Испании в рядах войск Республики семи объединённых провинций. А когда война закончилась, приобрел пятимачтовый барк и стал возить грузы. После открытия Америки в гавань Антверпена, столицу Нидерландов, заходили сотни кораблей. В этом городе имели свои представительства португальские, испанские, итальянские и даже турецкие торговые компании. Нидерландские купцы получали баснословную прибыль от трансатлантической торговли. Они закупали специи в Индии и Индонезии, перевозили рабов из Африки в Америку, основывали колонии в Бразилии, Северной Америке, Южной Африке и на Карибских островах. В те годы Нидерландами правила аристократия городских торговцев, называемых регентами. И капитан Филиппус Ван дер Витт стал их правой рукой, щедро загибающей деньги.

Его барк был самым быстроходным и маневренным парусным судном из всех, что когда-либо бороздили моря. Удача сопутствовала капитану во всем. Даже пираты опасались нападать на него, прослышав про его мужество и подвиги на войне. Трюмы его барка были набиты товарами и рабами, а его карманы – золотом. Но не все это золото он зарабатывал честным трудом моряка. В Антверпене не было такого игорного заведения, в котором бы не знали капитана. В игре в кости он был так же удачлив, как и в своих морских торговых экспедициях. Капитан играл – и всегда выигрывал. Свое везение сам он, то ли в шутку, то ли всерьез, никто этого понять не мог, объяснял тем, что азарт – это было единственное, что он получил в наследство от своего отца, разоренного испанскими налогами и умершего в нищете еще до его рождения. А поскольку само слово «азарт» происходит от арабского названия игральные костей «зар», то он просто не может проиграть в этой игре.

- В моей жизни, - говорил капитан, - есть только две святыни: море и игра в кости. Все остальное – от нечистого духа! И я предаю это анафеме.

Ему говорили, что он богохульствует. А он смеялся, и заявлял, что богохульство – это когда на гранях игральные костей размещают изображения добродетелей, чтобы священники могли предаваться этой забаве без угрозы отлучения от церкви. Когда его упрекали в том, что азартные игры – это порок, и он рискует после смерти отправить свою душу в ад, он отвечал, что единственные пороки, по настоящему осуждаемые Священным писанием – это вино и женщины, а он к ним равнодушен, и, следовательно, его душе ничто не грозит. Когда ему пытались сказать что-то еще, он доставал свой мушкетон и наставлял его зловещее дуло на собеседника, заявляя, что устал от затянувшейся беседы. Это был весомый аргумент, и со временем его оставили в покое самые рьяные поборники нравственности и религии.

Но не Сатанатос, дух зла. Ведь именно он и разжигал в душе Филиппуса Ван дер Витта эту страсть к игре, чтобы вернее всего погубить ее. Сатанатос давно овладел бы душой капитана, играй тот в карты. Ведь сам он и придумал игральные карты на погибель рода человеческого. Всем известна ужасная судьба графа Биэрти, который играл в карты на деньги даже в воскресенье, когда это было строго запрещено. Теперь несчастный призрак, блуждающий по своему родовому замку Глэмис в Шотландии, осужден играть в карты с самим Сатанатосом до скончания века.

Но в игре в кости Сатанатос был бессилен и мог рассчитывать только на Его Величество случай. А поэтому он всегда был рядом с Филиппусом Ван дер Виттом, чтобы не упустить этот самый случай. То в образе распутной женщины, которая пыталась его соблазнить. То в виде веселого разгульного собутыльника. Но капитан не поддавался на эти искусы, и Сатанатос отступал, посрамленный, но еще более разозленный и настойчивый.

Из очередного рейса в Ост-Индию барк капитана возвращался с трюмами, доверху загруженными специями, которые в то время ценились дороже золота. В пути их настиг шторм, и двое суток судно, спустив паруса, было подвластно только стихии. В третью ночь шторм стих. А наутро они увидели, что неведомо каким образом их барк занесло к скалистым берегам Шотландии. Поверхность моря была усеяна обломками погибшего в бурю судна, а вдалеке виднелся одновесельный ялик, в котором находился человек в монашеской сутане. Его подобрал. Незнакомец был высок, худ, черноволос. Сутана на нем была из тонкой шерсти превосходного качества, держал он себя не простым монахом, а как имеющий власть священнослужитель. Поэтому капитан Филиппус Ван дер Витт поцеловал протянутую ему руку с бесценным красным перстнем на безымянном пальце и пригласил священника в свою каюту.

- Благодарю вас, капитан, - снисходительно сказал тот. – Но у меня есть одна просьба. В мой ялик погружен сундук с золотом. Это золото принадлежит не мне, недостойному сыну церкви, а Ордену святого Игнатия. Пусть ваши матросы перенесут сундук в каюту, которую вы мне отведете, чтобы я был спокоен за его сохранность.

- Вы напрасно беспокоитесь, святой отец, - учтиво ответил капитан. – Карманы моих матросов набиты этим товаром доверху, так что в них не войдет ни один лишний червонец. Тем более, если тот принадлежит нашей святой церкви. Впрочем, будь по-вашему!

И он отдал команду своему помощнику:

- Алдрик, дружище, распорядись насчет сундука святого отца.

И матросы перенесли сундук с золотом в каюту капитана, которую тот любезно предоставил священнику. За обедом, который вскоре последовал, они разговорились. Незнакомец рассказал, что он настоятель одного из испанских иезуитских монастырей, зовут его отец Игнасио, и он очень беспокоится, что его сочтут погибшим, если он в самом скором времени не вернется к своей пастве. Филиппус Ван дер Витт успокоил его, пообещав доставить в один из европейских морских портов, откуда он без труда сможет добраться до своей родины. Отец Игнасио поблагодарил и сказал, что щедро вознаградит его. При этих словах он встал, подошел к своему сундуку и откинул его крышку. Несметные сокровища засверкали в пламени свеч, которые освещали каюту. Здесь были драгоценные камни, изделия из золота и серебра, золотые монеты чеканки всех стран мира, ювелирные украшения.

- Выбирайте, что вам угодно, капитан, - предложил он. – И я все равно буду считать себя вашим должником.

- И напрасно, - ответил тот, равнодушно взглянув на сокровища.

- Вы спасли мне жизнь, - настаивал отец Игнасио. - А она для меня бесценна, потому что принадлежит Спасителю нашему.

- Спасти терпящего бедствие – это долг моряка, не требующий вознаграждения. Так что если вы кому и должны, так это провидению, благодаря которому мое судно оказалось у этих скалистых берегов, в то самое время, когда оно должно было быть в Антверпене.

Глаза отца Игнасио зло блеснули, но улыбка стала еще радушнее.

- Капитан, если не хотите принять от меня ничего в подарок, тогда я предлагаю вам сыграть со мной в кости. Если я проиграю, на что я очень надеюсь, то это будет уже не вознаграждение, не правда ли?

- Так вы хотите проиграть? – рассмеялся Филиппус Ван дер Витт. Выпитое за обедом вино, которое он пил в одиночестве, слегка затуманило его разум. – Но в игре в кости удача в руке Божьей, а не человеческой. Человеку не дано метать кости, заранее зная, что выпадет.

- Вы правы, капитан, - учтиво поклонился отец Игнасио, чтобы скрыть адский блеск своих черных глаз. – Тем более я настаиваю.

- По рукам, - согласился Филиппус Ван дер Витт. Он мог пренебречь подарком, каким бы бесценным тот ни был, но игра – это было уже совсем другое. Одна мысль о том, что ему пред-

стоит метать кости, вызвала у него затаенный восторг. – И молитесь вашему святому Игнатию, чтобы не проиграть все свои сокровища.

– Будем играть вашими костями? – деловито спросил отец Игнасио.

– Я не беру в море кости, – ответил капитан. – Как же я об этом забыл! К сожалению, нашу игру придется отложить. Но в первом же порту...

– Ни к чему так долго ждать, капитан, – ответил, улыбаясь, отец Игнасио. – У меня есть кости. Совершенно случайно они оказались в сундуке.

И с этими словами он достал из сундука тринадцать игральные кости, выточенных из алмазов, точки на их гранях были золотыми.

– Да одни ваши кости – это уже целое состояние, – изумленно произнес Филиппус Ван дер Витт, рассмотрев их.

– Может быть, примите их в подарок от меня? – спросил отец Игнасио с нескрываемой насмешкой. – Или предпочитаете выиграть?

– Предпочитаю выиграть, – ответил капитан. – А в случае проигрыша – купить. Во сколько вы их оцениваете?

– В вашу душу, – сказал отец Игнасио и улыбнулся, как будто обращая свои слова в шутку. Капитан тоже весело засмеялся.

– Это непомерная цена, – сказал он. – Но, думаю, мы с вами сойдемся на другой.

– Бросайте кости, капитан, а там будет видно, – последовал ответ.

И Филиппус Ван дер Витт бросил кости. Выпало наибольшее из возможных чисел. Отец Игнасио взял кости и тоже бросил. И проиграл.

– Ну вот, кости уже ваши, – спокойно сказал он. – Продолжим?

– Но мы не условились о моем закладе, – вспомнил Филиппус Ван дер Витт. – Так не годится.

– Условились, капитан, вы забыли, – сказал отец Игнасио. – Я ставил эти кости, а вы – свою душу. И вам придется смириться с этим. Ведь выигрыш и проигрыш в игре нельзя оспаривать. Вы это знаете.

– Да вы шутник, святой отец, – произнес, нахмурившись, Филиппус Ван дер Витт. – Однако мне не нравятся подобные шутки. Но вы мой гость, и потому я вас прощаю. Но не советую так шутить со мной впредь. Или я забуду, что вы мой гость и что вы сын нашей святой церкви.

– Недостойный сын, напоминаю вам, – насмешливо улыбнулся отец Игнасио, ничуть не уstraшенный гневом капитана. – Так мы продолжим игру? Или вы удовлетворитесь своим выигрышем?

– С одним условием, – потребовал Филиппус Ван дер Витт. – Мы назовем свои ставки на этот раз.

– Я попытаюсь отыграть свои кости. Поэтому вы поставите их. А я – вот этот рубин, – сказал отец Игнасио и показал темно-красный камень размером с крупный грецкий орех. – Они равноценны по стоимости, поверьте.

Они снова бросили кости. И вновь выиграл Филиппус Ван дер Витт. Но впервые игра не приносила ему удовольствия. Он искал повода, чтобы встать из-за стола, и не находил его. И вдруг его осенила спасительная мысль.

– Святой отец, – сказал он. – Я забыл вас предупредить. Мне всегда везет в игре в кости. Поэтому нам лучше прекратить эту игру, иначе вы действительно можете проиграть все. Если хотите, я верну вам рубин и кости.

– Но я хочу отыграть их, – усмехнулся отец Игнасио. – Мне, как и вам, не нужны подарки. Вы, как человек, чести, не можете мне в этом отказать.

– А если я не буду играть?

- Тогда я ославлю вас на весь мир как непорядочного игрока. Вас не пустят ни в один из притонов, в которых вы так любите проводить время.

Отец Игнасио уже не скрывал своего истинного лица под маской лицемерия и мнимого благочестия притворного священника.

- Вы правы, святой отец, - понурил голову Филиппус Ван дер Витт. – Продолжим нашу игру. Я ставлю ваши кости и ваш рубин. Вы...

- Вот это ожерелье с бриллиантами, - ответил тот, доставая из сундука бесценное украшение.

И капитан небрежно бросил кости. Они покатались по столу, замерли. На всех гранях были шестерки. На костях, брошенных мнимым отцом Игнасио, сияло всего по одной золотой точке на каждой грани.

- Ожерелье ваше, капитан, - усмехнулся тот. – Продолжим!

Они играли всю ночь. И Филиппус Ван дер Витт постоянно выигрывал. Сундук отца Игнасио уже почти опустел, когда на рассвете в дверь каюты постучали, и, получив разрешение, вошел помощник капитана Алдрик. Это был крупный мужчина с густой седой бородой библейского патриарха и неизменной пенковой трубкой в зубах.

- Капитан, - сказал он, неодобрительно глядя на кости. – Впередсмотрящий доложил, что видит тонущее судно. Оно напоролось на один из этих проклятых рифов, которыми так и кишат эти места. И уже наглоталось воды выше ватерлинии. Мы должны изменить курс, чтобы спасти его. Вы нужны на капитанском мостике.

- Я не могу сейчас, Алдрик, - отрывисто бросил Филиппус Ван дер Витт. Его глаза покраснели после бессонной ночи и опухли, волосы были всклокочены. В колеблющемся пламени свеч, которые горели всю ночь, но почему-то не сгорели даже наполовину, он скорее напоминал демона, чем человека. – Святой отец желает отыграться.

- Подтверждаю, - кивнул отец Игнасио. Бессонная ночь никак не отразилась на его внешнем виде, только в глазах появились красные точки, как будто где-то там, в самой их глубине, бушевал адский пламень. – Святая истинная правда!

- Но там гибнут люди, святой отец, - возразил ему честный Алдрик.

- И ради этого ты, Алдрик, ворвался в каюту капитана и помешал нашей благочестивой беседе? – вкрадчивым тоном спросил отец Игнасио.

- Вино и кости вы называете благочестивой беседой, святой отец? – удивленно спросил Алдрик. - Клянусь всеми святыми, сколько их ни есть на белом свете...

Но он не договорил. Махнул в сердцах рукой и вышел из каюты.

Филиппус Ван дер Витт бросил кости на стол...

Через некоторое время в дверь каюты опять постучали и, уже не дожидаясь разрешения, вновь вошел Алдрик.

- Капитан, - настойчиво сказал он. – Тонущий корабль уже почти ушел под воду. Люди забрались на мачты, они призывают нас на помощь и проклинают за то, что мы не пытаемся их спасти.

Филиппус Ван дер Витт поднял на него глаза, в которых уже не было ничего человеческого.

- Оставь меня в покое, Алдрик, - глухо произнес он голосом, который шел, казалось, из преисподней. – Разве ты не видишь, что я не могу прекратить игру?

- Но разве не наш святой долг помочь этим людям? – возразил Алдрик. Он с ужасом смотрел на капитана, которого едва узнавал. Но с еще большим страхом – на отца Игнасио, глаза которого сверкали в полумраке каюты раскаленными углями.

- Твой долг выполнять мои приказы, - буркнул Филиппус Ван дер Витт. – Я приказываю – курс не менять, шлюпок на воду не спускать. Пусть они идут на дно, если не могли выбрать другого времени тонуть!

- Это ваш приказ, капитан? – не веря тому, что услышал, переспросил Алдрик.

- Да, Алдрик, - подтвердил капитан. – И если ты еще раз войдешь в мою каюту, то я пристрелю тебя.

С этими словами он положил на стол, рядом с алмазными костями, свой мушкетон.

Алдрик вышел. Но уже через минуту вошел снова, даже не постучав. За дверь, которую он не закрыл на этот раз, раздавались возмущенные голоса моряков. Они не входили в каюту только потому, что были приучены к строгой дисциплине.

- Это снова ты, Алдрик, - ничего не выражающим голосом произнес Филиппус Ван дер Витт.

- Капитан, - перебил его верный помощник, - команда выражает свой протест. Она требует...

- Требуется? – злое расхохотался Филиппус Ван дер Витт. – Тогда передай им мой ответ, Алдрик.

С этими словами он взял со стола мушкетон и выстрелил Алдрику в лицо. Помощник капитана упал, окрасив пол каюты кровью. Гул на палубе стих. Матросы оцепенели от ужаса.

- – Продолжим, святой отец? - спросил Филиппус Ван дер Витт. - Ваши сундуки уже почти пусты.

- Да, сын мой, - ответил мнимый священник. Его глаза сверкали, как два факела. – Конец уже близок.

С этой минуты удача отвернулась от Филиппуса Ван дер Витта. Раз за разом метал он алмазные кости на стол, и каждый раз проигрывал отцу Игнасио. Вскоре тот отыграл все свои сокровища, но капитан уже не мог остановиться. Он поставил на кон сначала все свои деньги, затем драгоценности, а в завершение всего – свой барк. Но проиграл и его.

- У меня ничего нет, святой отец, - сказал он, вытирая ледяной пот со лба. – Только моя жизнь. Но зачем она вам...

- Ты прав, твоя жизнь мне ни к чему, ей грош цена, - согласился мнимый священник. – Но я предлагаю вернуться к нашей первоначальной ставке.

И на удивленный взгляд капитана он пояснил:

- Ты поставишь свою душу!

- Согласен! – ответил, не раздумывая, Филиппус Ван дер Витт.

И они бросили кости. Отец Игнасио выиграл.

- Моя душа ваша, святой отец, - произнес Филиппус Ван дер Витт и потянулся за мушкетом.

Но перед Филиппусом Ван дер Виттом сидел уже не отец Игнасио, а тот, кем он был в действительности - сам Сатанатос, который наслаждался своей местью и собирался продлить мучения жертвы.

- Не так быстро, Филиппус Ван дер Витт, - прогремел голос, заглушивший гул моря, словно раскат небесного грома. – Я ждал долго этой минуты, но тебе придется ждать еще дольше своего смертного часа. Твои преступления в эту ночь превысили даже мою меру. Ты обрек себя до скончания века скитаться по морям и быть свидетелем того, как гибнут суда, слышать стоны и проклятия моряков. Где бы ни тонуло судно – ты будешь там. И проклянут тебя люди во веки веков, считая не свидетелем, а виновником своих бедствий!

- И ты не оставишь мне ни малейшей надежды? – содрогнувшись, вымолвил Филиппус Ван дер Витт.

- Ты прав, - усмехнулся Сатанатос. – Это было бы немилосердно. Если однажды твой корабль потерпит крушение, и кто-нибудь из капитанов проходящего мимо судна откажется помочь тебе – это будет час твоего искупления. А он займет твое место.

- Это не надежда, а еще большее проклятие, - поник головой Филиппус Ван дер Витт. – А что будет с моей командой? Они тоже обречены?

- Они не виновны, - ответил Сатанатос. – Поэтому они могут на шлюпках покинуть твой проклятый корабль. Но тот из них, кто доберется до берега, позавидует мертвым, если выскажет хоть слово сожаления о твоей участи.

- А Алдрик? Мой бедный Алдрик! Ведь ты можешь...

- Алдрик уже в раю, - ответил Сатанатос с нескрываемым сожалением. – И я бессилен что-либо изменить.

Он протянул свою костлявую руку, коснулся безмянным пальцем, на котором сияло кольцо с алым, как свежeproлитая кровь, драгоценным камнем, лба Филиппуса Ван дер Витта, поставив на нем свое несмываемое клеймо, и произнес:

- А ты – да будь проклят во веки веков!

Так начались вечные скитания Филиппуса Ван дер Витта, которого люди прозвали капитаном-призраком проклятого корабля «Летучий Голландец»...

Глава 9

Грир замолчал, налил себе очередную добрую порцию виски в стакан, плеснул в горло. Он был доволен эффектом, который его рассказ произвел на слушательниц. Глаза Катрионы восторженно сияли, Арлайн загрустила.

- Вечное проклятие – это ужасно, - тихо произнесла она. – Как я его понимаю... Бедный Филиппус!

- Сам виноват, - возразила Катриона. – Так увлечься игрой, что проиграть собственную душу... Ну, знаете ли, это слишком!

- А я так думаю, что его вины здесь нет, - заявил Грир. – Если бы Сатанатос его не искушал, ничего бы не случилось.

- А собственная воля? – не согласилась Катриона. – А разум? А чувство долга? Если предположить, что все это просто слова, и стоит только духу зла щелкнуть пальцами – и ты начнешь плясать под его дудку, что тогда нам остается? Идти в монахини, чтобы молиться и проливать слезы раскаяния?

- Но ведь люди пляшут под волынки эльфов, стоит нам только заиграть, - усмехнулся Грир.

- Но эльфы не предают их за это вечному проклятию, - заявила Катриона. – Немного помучают – и все.

Грир рассмеялся.

- Возможно, Сатанатос думает так же. Разница только в деталях. В его распоряжении вечность, в отличие от нас, простых духов природы. И для него «немного» растягивается на чуть больший промежуток времени.

- Уж не хочешь ли ты, Грир, сказать, что мы, эльфы, ничем не отличаемся от Сатанатоса для людей? – с гневом воззрилась на него Катриона. – Да как у тебя только язык повернулся!

- Катриона! – Арлайн укоряюще покачала головой. – Как тебе не совестно так говорить.

- А ему? – возразила девушка.

- Грир совсем не то имел в виду, я уверена, - сказала Арлайн. – И, кроме того, он выпил столько виски, пока рассказывал, что его можно простить.

Бутылка на столе и в самом деле была почти пустой. Но Грир обиделся.

- И вовсе я не пьян, - упрямо заявил он. – И, кстати, так думаю не только я. Филиппус Ван дер Витт придерживается того же мнения. Он во всем винит Сатанатоса.

- Откуда тебе это знать?

- Он сам мне это сказал.

- Ты разговаривал с капитаном-призраком? – недоверчиво посмотрела на него Катриона. – Или это опять в тебе заговорило виски?

- Да, мы встречались, - небрежно сказал Грир. – И почему тебя это удивляет, Катриона? Многие моряки видели «Летучий Голландец». Правда, для большинства это было последнее, что они видели в своей жизни. Но были и такие, которых Филиппус Ван дер Витт просил передать послание своему банкиру в Антверпене. И тем удавалось спастись.

- Но как это возможно? – удивилась Катриона. – Ведь прошло уже несколько столетий, и все его современники давно стали прахом.

- Бедняга Филиппус! – насмешливо произнес Грир. - Он совершенно потерял ощущение времени, став призраком. И он надеется упротить своего банкира все его деньги, нажитые на игре в кости, отдать церкви на помин грешной души Филиппуса Ван дер Витта. Он думает, что это облегчит его участь.

- А если он прав? - голос Арлайн был едва слышен. – Если кто-то будет искренне молиться за него... Быть может, Творец услышит и простит капитана. Жаль, что я не умею! А то обязательно молилась бы за несчастного Филиппуса каждую ночь, начиная с этой.

- Мама, что ты такое говоришь, - недовольно заметила Катриона. – И как ты могла поверить? Ведь это все очередная выдумка Грира. Правда, Грир?

- А вот и нет, - упрямо помотал головой тот. – Клянусь лоном Великой Эльфийки! Это случилось где-то полвека тому назад, когда я проходил в районе Внешних Гебрид на своем пакетботе. Невдалеке от острова Эйлин Мор мы увидели барк, идущий встречным курсом. Его не было еще мгновение назад, и вдруг – он словно сооткался из солнечных лучей. Шел под полными парусами, а ведь ветра не было. И на палубе барка мы не увидели никого из команды. Только на капитанском мостике одиноко стоял какой-то человек, одетый по забавной моде голландских моряков семнадцатого века. На нем были длинные штаны из тафты и бархатная куртка с большими плоскими серебряными пуговицами, грубые черные башмаки с золотыми пряжками, на голове - изящная фетровая треуголка с большим красным пером. А завершала этот нелепый наряд толстая, с мою руку, золотая цепь на шее. Барк поравнялся с нами и вдруг замер. И это несмотря на то, что все его паруса были туго надуты. Кто-то крикнул: «Летучий Голландец!» И в мгновение ока все три моих рарога спрятались в трюме, обезумев от страха. Рароги неустрашимые моряки, даже когда на море штормит так, что пакетбот, того и гляди, пойдет на дно. Но призраков они боятся не меньше, чем люди. Это как-то связано с их суевериями, я точно не знаю, да и не хочу знать. В общем, вся моя команда сидит в трюме, один я стою на палубе, гордо подбоченившись. Что мне какой-то призрак, когда я – эльф!

- Ты настоящий эльф, Грир, - одобительно заметила Катриона. – Я бы тоже не испугалась! А что было дальше? Только не вздумай врать!

- Человек на капитанском мостике вежливо мне поклонился и попросил разрешения зайти на палубу моего пакетбота, - бросив на девушку сердитый взгляд, продолжал Грир. – Я, разумеется, разрешил. Он перебросил доску с борта на борт и прошел по ней, не покачнувшись, хотя корабли плясали на волнах джигу. Подошел ко мне и, еще раз поклонившись, протянул свернутый в трубочку и перевязанный черной шелковой лентой пергамент.

- Прошу вас передать это письмо моему банкиру, который проживает в Антверпене, - сказал он глухим, вызывающим невольную дрожь, голосом. – Я щедро заплачу вам за это. Но если вы откажетесь...

- Не продолжайте, капитан, чтобы не пожалеть после о своих словах, - перебил я его. – Я не боюсь ни ваших, ни чьих либо угроз. Когда мне угрожают, я принимаю бой и смеюсь в лицо смерти. Но я окажу вам эту услугу. И вовсе не потому, что боюсь вашей мести. А потому, что это мой долг моряка – помогать другому моряку, попавшему в беду. Ведь вы, насколько я понимаю, тот самый легендарный капитан-призрак?

- Вы правы, перед вами несчастный Филиппус Ван дер Витт, проклятый самим Сатанатосом, - ответил мой собеседник...

- И тогда он рассказал мне свою историю, которую сегодня я поведал тебе, прекрасная Катриона, и твоей обворожительной матушке.

Грир сделал размашистый, как ему казалось, галантный жест рукой и едва не смахнул бутылку виски с камня.

Эльфийки улыбнулись, польщенные. Но в их глазах было недоверие, которое они пытались скрыть, чтобы не обидеть гостя.

- И вы расстались, разумеется, друзьями? – все-таки не утерпела Катриона поддразнить расхваставшегося капитана. – Распив перед этим бутылку старого доброго рома из запасов Филиппуса Ван дер Витта.

- А вот и не угадала, - ответил Грир. – Рассказав мне свою историю, капитан-призрак по той же доске вернулся на свой корабль, поднялся на капитанский мостик, взялся за штурвал – и его барк исчез, как и появился. Просто растаял в воздухе.

- Представляю, какое облегчение испытала твоя трусливая команда, избежав смертельной опасности.

- Настоящая опасность их поджидала впереди, - возразил Грир. – Не успели мы отойти на морскую милю от острова, как нас настигли два фрегата. На мой бедный мирный пакетбот наставили добрую сотню пушек, приказали спустить паруса и всей команде выстроиться на палубе. Приказы отдавал какой-то верзила млит в форме морского офицера, в которой он выглядел, словно пугало на огороде. В ответ на высказанное мною возмущение он грубо заявил, что при малейшем неподчинении пустит мою посудину на дно. Мол, на это у него есть разрешение, выданное самим главой Совета тринадцати.

- Нам только что сообщили, что видели в этих водах «Летучего Голландца», - сказал он, свирепо глядя на меня. – Уж не ты ли это, эльф?

- Это ошибка, адмирал, - ответил я как можно спокойнее, и даже польстив ему, повысив в звании. – Неужели я похож на капитана-призрака? А мой крошка-пакетбот, несмотря на свое гордое имя «Летучий Эльф» – на корабль, внушающий ужас всему морскому миру?

- Нет, не похожи, - был вынужден признать он очевидный факт. – Ни ты, ни твоя скорлупка.

Но он не был бы млитом, если бы удержался от оскорбления.

- На мой взгляд, твоя команда смахивает на перетрусивших ундин, которые впервые вышли в море и испытали легкую качку. Что с ними такое? Они тоже видели «Летучего Голландца»?

- Да, адмирал. И уже были готовы к худшему, но тот прошел стороной. Возможно, его испугнуло приближение ваших кораблей.

- Как давно это было, и в каком направлении он скрылся? – спросил млит, но уже не таким презрительным тоном.

Я не собирался заводить с млитом дружбу, но и ссориться с ним мне было ни к чему, поэтому сказал, смешав правду с ложью:

- Около часа тому назад. Он ушел в сторону острова Льюис. Возможно, сегодня кому-то повезет меньше, чем нам. Поспешите, адмирал, вы еще можете помешать злодеянию.

- Он бежит от меня, как мышь от кошки, - самодовольно заявил млит. Он отсалютовал мне и отдал приказ лечь на курс к острову Льюис.

Грир усмехнулся.

- Надеюсь, однажды этот безмозглый млит все-таки встретится с «Летучим Голландцем». И будет настолько безумен, что ввяжется с ним в бой... Катриона, ты снова мне не веришь?

- Это похоже на правду, - сказала Катриона. – Я говорю об эпизоде с фрегатами. Одно время они действительно несли боевое дежурство у западного побережья Шотландии и в водах архипелага Внешние Гебриды. Приказ отдал сам эльбст Роналд по просьбе премьер-министра Эльфландии.

- И чем он мотивировал свою просьбу? – вкрадчиво спросил Грир.

- Ты знаешь, наверное, что ежегодно в море гибнут от трехсот пятидесяти до четырехсот судов. Это данные из официальной статистики аварийности мирового торгового флота, которую ведут люди.

- Разумеется, - важно кивнул Грир, несмотря на то, что впервые слышал об этом. – Мне ли не знать!

- Так вот, за последние сто лет в том самом районе, о котором ты говорил, суда стали гибнуть намного чаще. И большинство из них по неизвестной причине. Одни пропадают бесследно, от других потом находят только обломки, а третьи остаются абсолютно невредимыми,

но их экипажи куда-то сгинули, как будто всех людей смыло в море гигантской волной. Люди в панике. Моряки боятся выходить в море. Они винят во всем «Летучий Голландец» и нас, духов. Якобы это мы уничтожаем их суда, тешим свою кровожадную натуру. Бред полный, но что взять с людей! А когда люди в панике, они становятся опасны, как чумные крысы. И тогда премьер-министр Эльфландии предложил эльбсту Роналду взять под контроль нашего флота Внешние Гебриды. Совет тринадцати направил два военных корабля на круглосуточное дежурство в этот район.

- Ничего глупее нельзя было придумать, - буркнул Грир. – Объявлять войну капитану-призраку вместо того, чтобы воспользоваться случаем и предъявить ультиматум людям...

Внезапно он смолк, сообразив, что наговорил лишнего.

- А впрочем, это не моего ума дело, - заявил он. И уставился на опустевшую бутылку с шотландским виски. Этот взгляд был настолько красноречив, что Арлайн уже привстала, чтобы принести еще одну. Но неожиданно зазвонил мобильный телефон Катрионы.

- Да, я слушаю, - сказала она в трубку. – Конечно, повелитель Лахлан. Я скоро буду.

Катриона улыбнулась в ответ на вопросительный взгляд Арлайн.

- Ничего сверхъестественного, мама, обычный рабочий вопрос. Ты же знаешь, премьер-министр не может принять даже самого пустякового решения, не посоветовавшись со мной.

- Или не хочет, - улыбнулась Арлайн. – Он славный эльф. Я помню его.

- Помнишь? – с удивлением воззрился на нее Грир. – Он тоже твой... друг?

- Мы когда-то были знакомы, - сухо ответила Арлайн. – Это было давно.

- Сдается мне, ты знакома со всеми эльфами мира, кроме меня. Но почему мы с тобой ни разу не встречались, даже на острове Эйлин Мор, в дни равноденствия? Я бы запомнил тебя, ручаюсь!

- Я..., - Арлайн смешалась, не зная, что сказать, но все-таки договорила. – Я давно уже не бывала на острове Эйлин Мор. Даже в дни равноденствия.

- Как же я сразу не сообразил! – вдруг закричал Грир. Виски ударило ему в голову, и он уже не отдавал отчета в своих словах. – Катриона, твоя мать – та самая отщепенка Арлайн? Ведь правда, это она?

- Грир! – закричала Катриона. – Да заткнись же ты! Мама, не слушай его!

- Ты прав, Грир, это я, - спокойно сказала Арлайн. – Та самая, что спуталась с человеком и сбежала с ним.

- А это все-таки действительно Фергюс, - заявил Грир, указывая на портрет на стене. – Я был прав. А вы мне врили. И ты Арлайн, и ты, Катриона. Зачем?

Но эльфийки подавленно молчали, не смея поднять на него глаз.

- Из-за вашего бесстыдного вранья я тоже опозорен, - заявил Грир. – Мало того, что я говорил с отщепенкой, но я еще пил ее виски, будь он проклят!

Он смолк, побледнев, а затем с ужасом, запинаясь, произнес:

- А еще я едва не полюбил ее дочь!

И внезапно, словно утренний туман на реке под лучами восходящего солнца, он начал таять, и через мгновение совсем исчез.

- Какой дурак! – воскликнула Катриона. – А еще эльф!

- Именно потому, что эльф, - заметила Арлайн. – Никто другой не принял бы это так близко к сердцу. Только у нас, эльфов, отщепенец обречен на вечное проклятие и одиночество. Как капитан Филиппус Ван дер Витт. Теперь ты понимаешь, Катриона, почему я пыталась скрыть от тебя свой позор? Я боялась, что он ляжет ужасным клеймом на твою судьбу. Я скрывала эту тайну, сколько могла. Но теперь ты знаешь все. И вправе покарать меня за эту ложь.

- Не говори глупостей, мама, - сказала Катриона. – Что изменилось? Я по-прежнему твоя дочь. И если надо, скажу об этом во всеуслышание. И даже знаю, когда. В ближайшую ночь равноденствия на острове Эйлин Мор. Пусть меня слышат все!

- Нет, - покачала головой Арлайн.

- Да, - отрезала Катриона. – И так будет, ты знаешь свою дочь. А теперь извини, мама, мне некогда продолжать этот бессмысленный спор. Меня ждет премьер-министр. А когда я вернусь, мы все обсудим.

- Когда ты вернешься, - машинально повторила Арлайн.

- Я вернусь, мама, и очень скоро. Обещаю!

Катриона сердито стукнула кулачком по ладони.

- Я не успеваю вызвать такси! И все из-за этого дурака Грира! Попадись он мне только... Самовлюбленный осел!

И она, быстро выйдя из дома, словно растворилась в вечернем сумраке.

Глава 10

Катриона покинула мать с улыбкой на губах, но с тяжелым сердцем. Если бы не требование премьер-министра срочно прибыть в посольство Эльфландии, она ни за что не ушла бы из дома, в котором подавленная горем Арлайн будет потерянно бродить из угла в угол, не находя себе места и роняя крупные капли слез. Сердце девушки ныло от недоброго предчувствия. Она дала себе слово, что сегодня же обязательно вернется и проговорит с мамой до рассвета, утешая ее если не доводами разума, то одним своим присутствием.

Но когда она увидела премьер-министра Лахлана, то поняла, что ее личные интересы должны будут уступить государственным.

Премьер-министр Лахлан выдвинулся во многом благодаря тому, что был незаметен и исполнителен, пока служил простым чиновником в административном аппарате Совета XIII. Он и внешне соответствовал своей незаметной должности – ниже среднего роста, с коротко подстриженными редкими волосами, крошечным острым носиком на узком лице, чем-то похожем на мышиную мордочку. Когда он задумывался о чем-нибудь, то часто нос его начинал шевелиться, и могло показаться, что он принохивается, как мышь, почуявшая ароматный запах сыра. Эльбст Роналд назначил его на высокий пост, когда решался вопрос о создании суверенного государства Эдьфландия, необходимого для подписания договора с Великобританией при покупке острова Эйлин Мор. Правительство объединенного королевства не могло иметь дела с частным лицом, продавая часть своей территории, пусть даже крошечную. Оправданием для сделки в данном случае могли быть только государственные интересы, а, следовательно, диалог должны были вести государства. Так появилась Эльфландия, а с ней – должность премьер-министра, которую, к великой досаде эльбста, мог занимать только эльф.

Премьер-министр Лахлан представлял все правительство Эльфландии в одном лице. Играть роль человека во взаимоотношениях с людьми было ему не трудно, так мало походил он на истинного эльфа.

Неожиданно для всех скромный, не хватающий звезд с неба Лахлан оказался истинным патриотом Эльфландии. Насколько мог, он всегда и везде отстаивал ее интересы, если, разумеется, они не шли вразрез с интересами главы Совета XIII. К сожалению, это бывало частенько. И Лахлан искренне переживал, когда ему приходилось раздваиваться. Однако, учитывая все эти обстоятельства, следовало признать, что никто другой за столь короткое время не смог бы сделать больше для прославления исторической родины народа эльфов, чем он, карманный премьер-министр марионеточного государства. Но большинство эльфов, и прежде всего Фергюс, который возглавлял оппозицию новоявленному правительству, не хотели этого признать и даже не замечали его усилий. И Лахлан, затаив обиду, нес свой крест всеобщего презрения, в глубине души надеясь, что однажды тайное станет явным, и справедливость торжествует. Справедливость в понимании Лахлана заключалась в том, что эльфы признают его своим национальным героем, а эльбст Роналд введет его в Совет XIII вместо Фергюса.

Катрионе нравился премьер-министр Лахлан – не как мужчина, а как начальник. Он был нетребователен, вежлив и всегда восхищался ее ушками и умением улаживать конфликтные ситуации. Вот и сейчас, едва завидев девушку, он, несмотря на свою явную озабоченность, восхищенно воскликнул:

- Катриона, ты просто чудо как хороша сегодня! А сколько вкуса в этой шляпке!

Катриона невольно улыбнулась. Все-таки она была настоящей эльфийкой, и никакие неприятности ей не могли помешать радоваться тому, что ею восхищаются. Тем не менее, она согнала улыбку с лица и строго заметила:

- Повелитель Лахлан, я спешила сюда как сокол-сапсан вовсе не для того, чтобы выслушивать от тебя комплименты. Когда ты позвонил, мне показалось, что произошло нечто чрезвычайное. У тебя был такой встревоженный голос. Я не ошиблась?

- Катриона, ты понимаешь меня даже лучше, чем моя собственная жена, - сокрушенно покачал головой Лахлан.

- Надеюсь, Алва не ревнует тебя к государственным делам, - отрезала девушка. Они были подругами с женой премьер-министра, и она могла позволить себе такую вольность.

- Пока еще нет, - улыбнулся Лахлан. – Но если положение дел не изменится, то начнет. Это неизбежно. Проблемы нарастают, как снежный ком, и я все реже бываю дома. Мне кажется, я больше времени провожу с тобой, чем с женой. И однажды Алва это заметит.

- Повелитель Лахлан! – возмущенно воскликнула Катриона. – Лучше молчи! Как говорят люди, не буди лиха, пока оно спит тихо.

Но Лахлан не замолчал. Казалось, он говорил только для того, чтобы отвлечься от терзающих его забот.

- К сожалению, мы не люди. Иначе я принял бы мормонскую веру и стал многоженцем. Алва вела бы мой дом, а ты – мою канцелярию. И я был бы самым счастливым эльфом на свете!

- А куда бы ты дел еще десяток жен, которые полагаются каждому уважающему себя мормону? – спросила Катриона, рассмеявшись.

Но Лахлан уже стал серьезным. Возможно, он заметил волнение Катрионы, когда она вошла в его кабинет, и болтал глупости еще и для того, чтобы успокоить ее. Ему был нужен совет, а дать его могла только трезвомыслящая Катриона. Во всех иных случаях ею руководили эмоции, а они были плохими советчиками.

- Итак, Катриона, шутки в сторону, - сказал премьер-министр. – Поговорим о злополучном маяке на острове Эйлин Мор.

- А что случилось за то время, что мы не виделись? - удивленно спросила Катриона. - Мне казалось, что проблема решена. Новый главный смотритель маяка в эту самую минуту уже должен быть на острове и знакомиться со своими подчиненными и должностными обязанностями.

- Он пропал, - коротко сказал премьер-министр.

- Где? Когда? – вырвалось у Катрионы почти невольно.

- Мы контролировали каждый его шаг на всем пути до острова Барра. Вернее, до того момента, когда он сел в самолет, который должен был доставить его на этот остров. А затем он вдруг перестал выходить на связь. Я лично проверил – самолет благополучно долетел до аэродрома. Вот и все, что мне известно.

Премьер-министр сочувственно посмотрел на девушку.

- И отыскать его затерявшийся на острове Барра след придется тебе, Катриона. Ты единственная, кому я могу поручить это дело, не опасаясь, что оно немедленно станет достоянием гласности. Любой слух о происшествии будет использован оппозицией как оружие против меня, а в конечном счете – против нашей Эльфландии.

- Каким образом? – искренне изумилась Катриона.

Премьер-министр грустно вздохнул, как он часто делал, когда говорил о Эльфландии.

- Маяк Эйлин Мор – поистине наша ахиллесова пята, как выражаются люди, и ты должна это понимать, Катриона. В отличие от меня, ты не помнишь этих событий, потому что была тогда еще младенцем. Но когда люди заселили остров, эльфы восстали. Они заявили, что честь Великой Эльфийки поругана, и она будет жестоко отомщена. Первые жертвы не заставили себя ждать. Разумеется, ты слышала о трех смотрителях маяка, пропавших на острове в начале прошлого века при самых таинственных обстоятельствах. Однако это привело к обратному, чем ожидалось, - во всяком случае, я так думаю, - результату. Не к бегству, а к массовому нашествию людей на остров. Нам, духам природы, трудно понять человеческую логику. Они

не испугались, они заинтересовались, отнеся гибель зрителей в разряд сверхъестественных явлений. Сюда же, кстати, они относят и нас, духов природы, если это тебе интересно. Поэтому мы и вынуждены скрывать от них свое существование – в том числе еще и затем, чтобы не стать жертвой их любопытства.

- Иначе говоря, подопытными кроликами, - содрогнулась Катриона. Она живо представила себя в роли лабораторного зверька, распластанного на операционном столе в ожидании, когда скальпель исследователя вонзится в его трепещущее тело. Отвратительная и ужасная картина. Богатое воображение было ее собственной ахиллесовой пятой с самого рождения.

По-видимому, ужас отразился в ее глазах, потому что премьер-министр сочувственно ей кивнул.

- В конце концов, чтобы избежать кровопролитной войны с людьми, которые начали бы преследовать и уничтожать всех духов природы, и не только эльфов, Совет тринадцати решил выкупить остров Эйлин Мор, - продолжал он. - Сделка состоялась. Но с условием, что маяк не прекратит светить. Людям нет дела до наших проблем, их беспокоит безопасность морского судоходства. Так возникло суверенное государство Эльфландия, маяк перешел на работу в автоматическом режиме, люди покинули остров Эйлин Мор. И, казалось бы, на этом все должно было закончиться. Но компромисс устроил не всех. Нашлись эльфы, которые заявили, что это соломоново решение, и оно не спасает младенца. Ты понимаешь, о чем я говорю?

- Да, я знаю это предание людей о жившем некогда древнееврейском царе Соломоне, который повелел разрубить младенца надвое. Он хотел, чтобы каждой из двух претендующих на материнство женщин досталось по равной части.

- Верно. Но тогда настоящая мать отказалась от своей доли. К сожалению, мы не можем так поступить и выполнить требование оппозиционно настроенных эльфов о сносе маяка Эйлин Мор. Ведь тогда условия договора с правительством Великобритании будут нарушены, и де-юре остров снова отойдет людям. А те опять построят на нем маяк. Такой вот заколдованный круг.

- Неужели оппозиция этого не понимает?

- Оппозиция, которую, как всем известно, возглавляет эльф Фергюс, готова смириться с компромиссным решением. Но есть еще так называемое Соппротивление. И те, кто его представляют, просто не хотят ничего понимать. Они фанатики, а потому слепы и глухи к голосу разума. Они убивают людей, топят их корабли, вносят смуту в умы и сердца всех остальных эльфов. А главное - угрожают погасить маяк, разрушить который они не могут из-за наложенного на него Советом тринадцати заклятия. Поэтому мы вынуждены держать на маяке смотрящего, чтобы этого не случилось. Причем из числа людей, потому что Соппротивлению претит даже мысль о том, чтобы вступить с человеком в сговор. С любым из духов они смогли бы договориться или привлечь его на свою сторону.

- Но разве Соппротивление нельзя купить? Ведь всему есть своя цена, даже фанатизму. Или, в крайнем случае, уничтожить его.

- Ты зришь в самый корень, Катриона, - одобрительно заметил премьер-министр. - Но как применить силу к тем, кого никто никогда не видел? Как их подкупить? Они неуловимы, невидимы, неосязаемы, а потому неуязвимы. Видишь ли, нам до сих пор не известно, кто они. Если бы мы только знали! Поверь, эльбст Роналд и Совет тринадцати сумели бы привести их в повиновение.

- Но ведь как-то они дают знать о своих требованиях?

- Они сносятся с нами через Фергюса. Но он утверждает, что тоже их не видел. Якобы у них происходит телепатический обмен мыслями, причем всегда неожиданно для него самого и очень недолго, поэтому источник даже нельзя отследить.

- Но если здесь замешан повелитель Фергюс..., - нерешительно сказала Катриона. - Быть может, цена вопроса – власть? Ведь он политик.

- Долгое время я тоже так думал. И я был готов пожертвовать постом премьер-министра Эльфландии в интересах дела. Но Сопротивление отказалось. Они требуют принести в жертву маяк, а на меньшее не согласны. Ими руководит слепая безрассудная ненависть, и ничего нельзя изменить.

Премьер-министр сокрушенно развел руками.

- Я всегда думал, что на такой фанатизм способны только люди. Но вынужден признать – мы, эльфы, ни в чем им не уступаем. И маяк Эйлин Мор – лучшее тому доказательство.

- И единственное, - возразила Катриона. – Но я все-таки не поняла, почему исчезновение смотрителя маяка может пагубно отразиться на тебе, повелитель Лахлан, и на Эльфландии.

- Потому что Совет тринадцати может решить, что я не в силах контролировать ситуацию. Посуди сама - предыдущий смотритель маяка недавно погиб, этот пропал. ... А если так, то самым разумным и простым выходом, с их точки зрения, будет ввести на острове чрезвычайное положение. Для начала всем эльфам запретят посещать Эйлин Мор, и даже в дни равенства. Ты представляешь, что значит лишить эльфов надежды дважды в год славить Великую Эльфийку?

- Это, как минимум, снизит рождаемость нашего народа, - перевела все в шутку Катриона. Она уже поняла серьезность ситуации. Но одним из свойств ее характера был природный оптимизм, который не могли поколебать самые ужасные гипотетические предположения. Эйлин Мор все еще был эльфийским островом, а что будет, покажет только время.

- Ты, как всегда, права, Катриона, - улыбнулся премьер-министр, давая понять, что оценил шутку. – Я очень рад, что ты работаешь на правительство Эльфландии. Ты вдохновляешь меня. Придаешь мне сил. Ты – замечательная эльфийка. Истинная патриотка, да к тому же еще очень умная и необыкновенно красивая девушка. Редкое сочетание превосходных качеств. Ты знаешь об этом?

- Повелитель Рахлан! – с укоризной взглянула на него Катриона. – Какое отношение мой ум и красота имеют к исчезновению главного смотрителя маяка Эйлин Мор? Если мне не изменяет память, ты призвал меня для того, чтобы обсудить именно это.

- А мы уже обсудили, - заявил премьер-министр. – А своими комплиментами я просто пытаюсь подсластить пилюлю, которую собираюсь тебе подложить. Ведь тебе, Катриона, предстоит отказаться от всех своих планов на этот вечер и немедленно отправиться на поиски пропавшего нового главного смотрителя. И проделать путь от острова Барра до острова Эйлин Мор совершенно одной, скрывая от всех истинную цель своего путешествия. А это может быть чрезвычайно опасно, учитывая ситуацию. На всякий случай, возьми с собой арбалет. Надеюсь, это чрезмерная предосторожность, но все же...

- Хорошо, повелитель Лахлан, - кивнула девушка.

- Алва говорила мне, что ты изумительный стрелок, просто снайпер.

- Да, повелитель Лахлан, - не стала скромничать Катриона. – Я прекрасно владею арбалетом с детства.

- Кстати, ты доверяешь тем домовым, которых мы держим на маяке?

- Да, - кивнула Катриона. – Я лично беседовала со всеми. Они хорошие специалисты.

- Я не об этом, - вздохнул премьер-министр, грустно пошевелив своим маленьким мышинным носиком. – Насколько они преданы Эльфландии? Вот в чем вопрос.

- Домовые, как известно, всецело преданы дому, в котором они живут. Их дом – это маяк на острове Эйлин Мор. Поэтому мы можем им доверять.

Премьер-министр, удовлетворенный ответом, кивнул, давая понять, что разговор окончен. Но когда девушка уже собиралась выйти, окликнул ее:

- Постой, Катриона! Чуть не забыл спросить. Алва мне ни за что не простила бы этого. У тебя есть ко мне какие-либо просьбы перед отъездом?

Катриона задумалась. Ей вдруг пришла в голову мысль, что она не сможет выполнить своего обещания, данного матери. Если только попросить премьер-министра отложить поездку на остров Барра до утра...

Но под настороженным взглядом премьер-министра Катриона почувствовала смущение. Ведь тогда ей, возможно, придется объяснять и причину, по которой она собирается пренебречь государственными делами. А это значило бы не только раскрыть тайну ее матери, но и поставить под угрозу свое будущее. Как бы хорошо ни относился к ней премьер-министр Лахлан, но едва ли он пойдет на то, чтобы на правительство Эльфландии работала дочь эльфийки-отщепенки, опозорившей свой народ. Если об этом узнает оппозиция, это может плохо отразиться на его собственной политической карьере.

- Нет, повелитель Лахлан, - ответила Катриона.

И вышла из кабинета с гордо поднятой головой.

Глава 11

В пробуждающееся от беспамятства сознание Бориса проник равномерный шум набегающих на берег волн. Некоторое время он лежал, прислушиваясь к плеску воды. Затем он пошевелился, и вонзившийся в спину острый камень заставил его открыть глаза. И он увидел звездное небо. Множество незнакомых ему звезд усеивали необозримое пространство над его головой. Могло показаться, что это небо смотрит на него мириадами глаз. Добрыми, печальными, озорными, тоскующими, манящими, холодными, голубыми, мерцающими, таинственными...

Не удивительно, что у древних греков Аргус символизировал звёздное небо, подумал Борис. Оно такое же всевидящее, как этот мифологический многоглазый великан...

Течение его мыслей прервало пение ангела.

Насколько Борис разобрался в музыке, это называлось а *carrella*. Голос невидимой в темноте певицы выводил мелодию без какого-либо инструментального сопровождения. Однажды Борис слушал нечто похожее в исполнении Московского Синодального хора в храме Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Большой Ордынке в Москве, певчие исполняли а *carrella* произведения Сергея Рахманинова. Но это было лишь жалкое подобие того, что он слышал сейчас.

Голос поднимался все выше и выше, и на мгновение замирал на невообразимо высокой ноте. Но не обрывался, а снова начинал свое восхождение к вершинам, недоступным человеческому пониманию. Он обращался не к разуму и не к эмоциям - он пробуждал душу, неосознанными пальцами перебирал в ней струны, о существовании которых в себе Борис даже не подозревал. Он извлекал из окружающего мира звуки, которые складывались в произнесенные слова, обращенные не к земной, а иной, запредельной ипостаси человека.

Борис заплакал. Это было прекрасно. Нет, это было божественно. Это поистине было нечто неземное. «Значит, я все-таки умер», - подумал он, всхлипывая и не вытирая крупных слез, бегущих из глаз по щекам и щекочущим губы. На вкус влага была не солоноватой, а неожиданно приятной, и даже облегчающей жажду, которую Борис внезапно почувствовал.

И в это мгновение ночную тьму прорезал отблеск света. Вспыхнул маяк. Может быть, он светил и раньше, но Борис не замечал этого. Он выбрасывал то белые, то зеленые, то красные протуберанцы, и остров то светлел, то мрачнел, а то становился зловещим. Маяк светил чуть в отдалении и где-то высоко над головой, сливаясь со звездным небом. Борис лежал в подножии холма, у самой кромки воды. Он не помнил, как здесь очутился. Но сейчас это его не волновало. Он был уверен, что непременно получит ответ на этот вопрос, чуть позже. В это мгновение он хотел только одного – увидеть ангела, который пел по ту сторону холма. Борис боялся, что тот прекратит петь. И он никогда уже не услышит этих неземных звуков. Во всяком случае, до своего смертного часа.

Борис уже понял, что он жив, и мало того - он каким-то неведомым образом добрался до конечной цели своего путешествия, до острова Эйлин Мор. И он подумал, что в эту ночь он может разгадать одну из его мистических тайн. А это, как некогда заявил один из французских королей, стоило мессы.

По-видимому, Борис лежал на каменистом берегу уже долго, потому что тело его затекло, ноги не слушались. Он с трудом перевернулся со спины на живот. Подтянул ноги к животу и сначала встал на колени. Попытался опереться ладонями о землю, чтобы приподняться. И только сейчас увидел, что все это время правая рука его была сжата в кулак. Он так увлекся, рассматривая звездное небо и слушая пение, что совсем не обратил на это внимание. В кулаке, когда Борис разжал его, он обнаружил небольшой медальон на оборванной золотой цепочке. Он нажал на крышку медальона, и та с мелодичным звоном раскрылась. Внутри оказалось

изображение незнакомой ему и очень красивой девушки. Она с улыбкой смотрела куда-то вдаль. Но глаза ее цвета предзакатного неба были печальными. Светлые волосы струились пенистым водопадом по обнаженным плечам. Взгляд Бориса невольно скользнул вниз, но кромка медальона оборвала полет фантазии.

Борис даже не пытался вспомнить, каким образом медальон оказался в его руках. В памяти был мрачный провал, на дно которого у него не было ни времени, ни желания спускаться. Во всяком случае, в эту минуту. Он закрыл крышку медальона и опустил его в задний карман джинсов, единственный, до которого смог дотянуться, стоя в своей неудобной позе на четвереньках. Сейчас у него было дело поважнее, чем разгадывать ребусы.

Он оперся руками о большой валун, оказавшийся поблизости, и приподнялся. Выпрямился. Сделал один шаг. Нога ступила на мокрый камень, и он опять едва не упал. Но ему удалось удержаться на ногах и сделать второй шаг. Затем к нему вернулась уверенность в своих силах, и все стало проще. И он не спеша пошел вдоль берега, посчитав, что так будет вернее, чем карабкаться на холм, а затем спускаться с него. Пение доносилось из-за холма, а не с его вершины. На вершине холма одиноко стоял маяк и мертвенно-бледным светом освещал окрестности. Но звездам это удавалось лучше.

Остров был невелик, но путь растянулся надолго. Борис боялся в темноте оступиться и упасть, поэтому шагал осторожно, словно по льду. Камни под ногами иногда разъезжались в стороны, трава была влажной и скользкой. Казалось, сама природа была против него. Как будто остров вдруг ожил, подобно большой рыбе из рассказов о путешествиях Синдбада-морехода, и пытался помешать ему пройти. Но все же, по ощущениям почти вечность спустя, Борис обошел холм и очутился по другую его сторону. Еще издали он увидел огромный валун на берегу моря, на котором спиной к нему сидела длинноволосая женщина и пела.

Слов Борис разобрать не мог даже сейчас. Это был другой, незнакомый ему язык, а, быть может, слов и не было вовсе. Они были не нужны, чтобы выразить ту вечную печаль и бессмертную надежду, которые незнакомка пыталась высказать своим пением. Отсвет маяка падал на нее, но лица не было видно. Светила луна, выставив серебрившуюся на волнах дорожку с небес до самых ее ног. Звезды замерли в вышине, заслушавшись. Стих ветер, боясь не расслышать мелодии. Все они были зрителями этого чудесного концерта на острове Эйлин Мор. И, кроме них, человек.

Борис подошел уже близко, когда нога его ступила на скользкий глыш и сорвалась с него. Он упал, больно ударился коленом о камень и невольно застонал. Незнакомка, услышав его, обернулась. И он увидел ее лицо. Борис узнал ее сразу. Это была девушка из медальона. Она, заметив его, тихо вскрикнула. И внезапно исчезла, как будто растаяла в воздухе. Или соскользнула с камня в море. Или воспарила над землей. Борис допускал любой вариант. Ведь она была ангелом. Пусть даже во плоти.

Он поднялся с земли и, хромя, дотащился до валуна, на котором до этого сидела девушка. Камень, казалось, еще хранил тепло ее тела. Борис присел на него. Достал медальон, раскрыл и долго смотрел на изображение. Он не ошибся, это была она, только в реальности еще прекраснее. Затем он лег спиной на теплую сухую поверхность камня и начал смотреть в звездное небо. Свет маяка падал на его лицо. Оно было безмятежно, как будто все плохое, что с ним происходило до этого, было начисто стерто из его памяти ангельским пением таинственной незнакомки.

Затем он встал и начал подниматься на холм, где по-прежнему светил маяк Эйлин Мор, указывая путь проходящим кораблям и ему, Борису Смирнову.

Глава 12

Фергюс, на правах члена Совета XIII, вошел в кабинет премьер-министра Эльфландии без доклада, молча миновав растерявшегося секретаря в приемной и повелительным жестом принуждая того не следовать за ним.

Лахлан сидел за письменным столом, работал. Читал какие-то документы, некоторые сразу подписывал, на других оставлял резолюции, требующие пояснений. Он был прирожденным чиновником, бюрократом до мозга костей, и за это Фергюс презирал его еще сильнее. Сам Фергюс никогда ничего не подписывал, и вообще не оставлял никаких вещественных доказательств своей деятельности. Он предпочитал устные договоренности. Бумагу придумали люди, говорил он, слово дано нам от рождения. Люди лжецы по природе своей, поэтому им необходимо документальное подтверждение слов. Духи никогда не лгут, и каждое сказанное ими слово – это документ, подписанный их родовой честью. То, что его утверждение насчет повальной честности духов было весьма сомнительным, а люди пользовались бумагой вот уже более двух тысяч лет, не имело для него никакого значения. Заочный спор между Египтом и Китаем за право называться родиной бумаги вызывал у него сардоническую усмешку. Сам он не дал бы за это и фунта.

Когда Фергюс получал из канцелярии премьер-министра какие-либо официальные письменные сообщения, он рвал их, не читая. Он знал, что однажды Лахлан, словно бы в шутку, сказал:

- Не стоит укорять за это нашего друга Фергюса. Вероятно, он просто неграмотный, как большинство эльфов. Бедняга не умеет ни читать, ни писать, но стыдится в этом признаться.

Слова эти были донесены до Фергюса. Он ничем не выдал своих эмоций. И не стал требовать от Лахлана извинений. Но ничего не забыл. И не простил. Однажды он услышал от кого-то из людей, что месть – это блюдо, которое следует подавать холодным. И придерживался того же мнения, несмотря на всю свою ненависть к людям и отвержение всего, что с ними связано или исходит от них. Это был, пожалуй, единственный случай, когда он что-то взял от людей. Но поскольку Фергюс взял это на вооружение, то и не считал предосудительным. Бей врага его же оружием, говорил, а вернее, думал Фергюс, и ты непременно победишь. Ведь никто же не осудит воина, поднявшего на поле боя меч своего врага и продолжающего сражаться. Это может принести ему только славу, а не позор.

- Приветствую тебя, премьер-министр, - сухо произнес Фергюс. – Прошу извинить за неожиданное вторжение, но у меня к тебе срочное дело.

- Я к твоим услугам, достопочтимый Фергюс, в любое время дня и ночи, когда только пожелаешь, - любезно ответил Лахлан, вставая из-за стола. Жестом он пригласил Фергюса занять одно из мягких кресел, стоявших в углу кабинета и предназначенных для менее официальных бесед. Но Фергюс пренебрег этой возможностью. Он присел на жесткий стул по другую сторону письменного стола премьер-министра, всем своим видом давая понять, что между ними не может быть даже намек на доверительные отношения.

- Мне стало известно..., - начал Фергюс, не дожидаясь, пока премьер-министр снова опустится в свое кресло. В этом тоже был свой психологический расчет – он говорил, а Лахлан выслушивал его стоя. Это как будто подчеркивало разницу в их общественном положении – член Совета XIII на иерархической лестнице стоял на много ступенек выше, чем премьер-министр какой-то там Эльфландии. Он хотел унижить Лахлана в его же собственных глазах.

Но и Лахлан был по-своему горд, а потому не собирался терпеть унижение даже от члена Совета XIII, учитывая, что тот был такой же эльф, как и он. Поэтому он перебил Фергюса вопросом:

- Ты хочешь сказать, что до тебя дошли какие-то слухи, достопочтимый Фергюс?

Произнесено это было с видом полнейшего доброжелательства. Но мечи в их невидимой дуэли скрестились и высекли искры.

- Я не пробаваюсь слухами, премьер-министр, - голосом, в котором не было и тени эмоций, произнес Фергюс. – Только достоверные факты. И очень не радостные для тебя, поверь.

- Поэтому, как я понимаю, ты и поспешил мне их сообщить, - самым невинным тоном заметил Лахлан. – Чтобы я имел время и возможность опровергнуть их, когда о них узнает Совет тринадцати. Благодарю тебя, достопочтимый Фергюс. Мы, эльфы, должны держаться друг друга.

- Вот именно, - буркнул Фергюс. – Мне сообщили, что пропал без вести новый главный смотритель маяка. Если об этом узнает Совет тринадцати, у тебя могут быть большие неприятности. Это бросает тень на тебя, как на премьер-министра Эльфландии. Могут сказать, что ты не справляешься со своими обязанностями.

- И кто, позволь узнать, сообщил тебе этот факт? – с улыбкой спросил Лахлан.

Эта улыбка очень не понравилась Фергюсу.

- Позволь сохранить в тайне мой источник информации, - ответил он. – Это тебе ничего не даст.

- Разумеется, - согласился Лахлан. – Тот, кто дезинформировал тебя, достопочтимый Фергюс, не стоит того, чтобы знать его имя. Я бы на твоём месте просто прогнал его взащей в следующий раз, когда он принесет тебе, как болтливая сорока на своём куце хвосте, какие-то лживые слухи.

- Лживые? Ты так полагаешь? – недоверчиво спросил Фергюс.

- Я точно знаю, - снова улыбнулся Лахлан. – Незадолго до твоего прихода мне сообщили, что новый главный смотритель маяка благополучно добрался до острова и приступил к исполнению своих обязанностей.

- И кто это тебе сообщил? – презрительно усмехнулся Фергюс.

- Мой помощник по особым поручениям. Её зовут Катриона. Возможно, ты встречался с ней. Во всяком случае, она говорила, что да.

Фергюс промолчал. Удар был слишком неожиданным, а потому особенно болезненным. Он собирался привести премьер-министра в замешательство своим известием, запугать жесткими санкциями Совета XIII, а затем заключить с ним сделку, пообещав сохранить для него пост премьер-министра в обмен на лояльность в вопросе о снятии заклятия с маяка Эйлин Мор, которое не позволяло силам Сопротивления его разрушить. Единственное, что они могли – это убивать смотрителей. Но эти убийства не могли продолжаться вечно. Ещё один-два смотрителя – и угроза нависнет уже не над премьер-министром, а над ним, Фергюсом, который до того увлекся местью, что позволил ассоциировать себя с Сопротивлением, передавая его требования Совету XIII. Эльбст Роналд не настолько глуп, чтобы однажды не суметь свести концы с концами. Кроме того, у Совета XIII есть ещё тайная полиция, которую курирует сам эльбст, не доверяя никому другому. И уж она то, только дай ей в руки кончик ниточки, сумеет распутать весь клубок.

- Катриона? – повторил Фергюс, чтобы выиграть время и прийти в себя. – Да, да, кажется, мы встречались на конгрессе.

И вдруг в его затуманенной голове сверкнула, как спасительный луч света, мысль. На то, чтобы обдумать её, у Фергюса не было времени, но она казалась удачной. Одним выстрелом он поражал сразу две мишени.

- Кажется, мать этой очаровательной девушки зовут Арлайн? – спросил он как бы между прочим.

И премьер-министр попался в расставленные ему силки.

- Возможно, - ответил он. – Скорее всего, да. Она как-то упоминала имя своей матери в разговоре с моей женой. Кажется, речь шла о декорировании помещений с учетом фэн-шуя.

- Та самая Арлайн? – многозначительно переспросил Фергюс.

Теперь пришел черед волноваться уже премьер-министру. Разумеется, он знакомился с личным делом Катрионы, где было упоминание о ее родственных связях. Но второпях, и не особенно вчитываясь. Было много более важных дел, а Катриону ему рекомендовала жена, которой Лахлан привык слепо доверять.

- Что ты подразумеваешь под «та самая»? – осторожно спросил премьер-министр.

- Отщепенка Арлайн, – глядя на него с нескрываемым сожалением, уточнил Фергюс.

Лоб Лахлана покрылся холодной испариной.

- Я... Я не знал об этом, - пробормотал он.

- Не знал? – нарочито преувеличенно удивился Фергюс.

- То есть, не то, чтобы не знал, но... упустил из виду, - попытка выкрутиться Лахлан, и еще сильнее запутывался в силках.

- И тебе кажется, что эльфы сочтут это за смягчающее вину обстоятельство, когда узнают, что премьер-министр Эльфландии пользуется услугами дочери отщепенки? Той, что опозорила свой народ, спутавшись с человеком? А что хуже всего – родила от него дочь. Эту самую Катриону.

- Но ведь это невозможно, - пробормотал Лахлан. – Чтобы у человека и эльфийки...

- То есть ты об этом никогда не слышал, - заметил Фергюс. – Но, как известно, незнание не освобождает от возмездия. Ты понимаешь, к чему привела тебя твоя беспечность?

Премьер-министр обреченно кивнул. Он и без подсказки Фергюса знал, как будут развиваться дальнейшие события. Народ эльфов возмутится и выразит свой протест, Совет XIII рассмотрит его и принесет в жертву общественному и своему спокойствию его, Лахлана. И во всем этом будет принимать самое деятельное участие Фергюс, эльф и член Совета XIII одновременно. А, следовательно, на его, Лахлана, политической карьере уже сейчас можно поставить крест, наподобие того, что втыкают в грудь вампиров люди, перед тем как захоронить их, чтобы те не вышли из своих гробов. Глупое суеверие, но очень эффективный способ выказать свое отношение к покойнику.

- Но, быть может, мать Катрионы уже умерла? – спросил Лахлан скорее себя самого, чем своего собеседника. Это была случайная мысль. Но, высказанная, она обрела очертания надежды. В глазах Лахлана блеснул радостный огонек. Смерть отщепенки снимала пятно позора со всех ее родственников, а, значит, и ответственность за свой проступок с него самого.

- Это вряд ли, - покачал головой Фергюс. – Я бы знал.

- И все-таки я проверю, с твоего разрешения, - уже твердо произнес премьер-министр. – Или без него. Ты же понимаешь, насколько это важно для меня. Да и для Эльфландии тоже.

- Хорошо, - неохотно согласился Фергюс. Он понимал, что отсрочка давала премьер-министру изыскать какой-либо способ уйти от заключения невыгодной для него сделки, в которой Фергюс был так заинтересован. Лахлан в результате этой сделки не приобретал ничего, а только сохранял статус-кво. Он же, Фергюс, мог достичь почти всего, о чем мечтал столько лет. Маяк, воздвигнутый людьми на острове Эйлин Мор, был символом унижения не только народа эльфов, но и лично его, Фергюса. Не будь этого маяка – и Арлайн в далеком прошлом стала бы его женой, а его собственная судьба сложилась бы совсем по-другому. Он был бы счастлив, у него были бы семья и, быть может, любимые, общие с Арлайн, дети. И ему не надо было бы подчиняться прихотям какого-то замшелого эльбста, который возомнил себя владыкой мира духов природы. Фергюс ненавидел эльбста Роналда не намного меньше, чем людей. Но сначала он должен был отомстить людям. И затем уже придет черед эльбста. А потом будут и другие – все те, кто усомнится в его, Фергюса, праве, быть их повелителем, будь то гномы, водяные, лешие, туди, кто угодно.

Но Фергюс также понимал, что протестовать сейчас было бы глупо. Премьер-министр, до смерти перепуганный, мог заартачиться, и продуманный до мелочей план обратился бы в прах. Даже заяц, загнанный в тупик, может обернуться и броситься на своего врага, пусть даже его преследует волк или филин. Лучше дать ему время – на выяснение истины, на раздумья.

Фергюс был уверен, что его новый расчет безошибочен. Арлайн была его вечным проклятием. Теперь она становилась проклятием своей дочери, прижитой ею от человека. И она будет проклятием Лахлана. По-другому быть не могло. Арлайн становится проклятием для всех, с кем соприкасается. Так было, есть и будет. Пока он, Фергюс, не решит иначе.

Фергюс встал со стула и, глядя поверх головы премьер-министра, произнес:

- Когда ты убедишься, премьер-министр, что Арлайн жива, то найди меня. Только потопись. У тебя есть время до утра. А затем...

Он не договорил. Но этого и не требовалось. Лахлан хорошо его понял.

Глава 13

Их дуэль не закончилась, это понимали и Фергюс, и Лахлан. Противники только слегка оцарапали друг друга, но вся схватка, с непредсказуемым финалом, была еще впереди. Поэтому, расставшись, оба действовали решительно и молниеносно.

Фергюс, выйдя из кабинета премьер-министра, тотчас же телепатически связался с Гриром и потребовал немедленной встречи. Фергюс был воплощение осторожности, Грир – сама беспечность. Поэтому Фергюсу приходилось думать о безопасности за двоих. Сообщение он послал, используя известный только ему и Гриру код.

Лахлан, оставшись один, затребовал из канцелярии личное дело Катрионы и углубился в его изучение. На этот раз он был очень внимателен и вчитывался в каждое слово. Ему не потребовалось много времени, чтобы убедиться в правоте слов Фергюса. Катриона действительно была дочерью Арлайн. Отщепенки Арлайн, опозорившей некогда народ эльфов тем, что она спуталась с человеком и родила от него дочь. Ту самую Катриону, которая сейчас работала на него и считалась подругой его жены Алвы. Лахлан понимал, что это было двойное обвинение, которое ему предъявят. Он поддерживал с дочерью врага народа эльфов не только деловые, но и дружеские связи. Такое нельзя было простить. Как бы покровительственно ни был настроен по отношению к нему эльбст Роналд, но он ничем не сможет помочь, да и не захочет. Идти наперекор целому народу ради него, Лахлана – да такое эльбсту и в голову не придет. Достаточно с него и маяка Эйлин Мор.

Лахлан почувствовал себя жертвенным тельцом. Эльфы, в отличие от многих других духов, никогда и никому не приносили ни человеческих, ни иных жертв, даже Великой Эльфийке. Они отдавали своей прародительнице дань танцами, песнями, плотской любовью. Он, Лахлан, будет первым из эльфов, кого их народ принесет в жертву традициям и своему боже-ству. Пусть это заклятие будет бескровным, но от этого не менее трагическим лично для него, Лахлана. А впоследствии, он был в этом уверен, и для самого народа эльфов. Фергюс, получив после отставки премьер-министра Лахлана безраздельную власть над эльфами, и общественную, и политическую, очень скоро злоупотребит ею.

Целую минуту Лахлан, безвольно понутив голову, жалел себя и свой народ, не отдавая никому предпочтения. И это была минута высшей жертвенности в его жизни. А затем он связался с начальником охраны посольства Эльфландии.

- Грайогэйр, мне нужно встретиться с Арлайн, матерью Катрион, - сказал он. - Это срочно.

Грайогэйр что-то буркнул в ответ. Лахлан по опыту знал, что его приказание будет исполнено беспрекословно.

Фергюс жил в небольшом фешенебельном особняке на Kensington Palace Gardens, расположенной в самом центре Лондона улице длиной чуть более 800 метров, которая считалась одной из самых дорогих в мире. Она была создана в 1840 году как часть парка Кенсингтонского дворца и принадлежала британской короне. Особняки здесь стояли от десятков до сотен миллионов фунтов стерлингов. Когда Фергюс вошел в свой дом, Грир уже поджидал его, сидя в едва освещенной гостиной и попивая коньяк из огромного граненого стакана. Эта нахальная манера Грира входить без стука и разрешения, куда ему заблагорассудится, всегда раздражала Фергюса, но обычно он сдерживал свои эмоции. Грир был ему нужен, при всех его скверных привычках. Поэтому Фергюс даже не поморщился, увидев, что тот откупорил его коллекционную бутылку коньяка и уже наполовину опустошил ее. Он просто включил еще и ее в счет, который со временем собирался предъявить Гриру. В тот день, когда необходимость в нем отпадет.

- Повелитель Фергюс, - ухмыльнулся Грир, увидев его. – Что за срочность? Или я не заслужил права на отдых после той утомительной работенки, которую ты мне задал на этот вечер?

- Нет, - отрезал Фергюс. – Потому что работа не выполнена. Ты обманул меня, Грир. Такое в нашем деле не прощается.

- Я? Обманул? – Грир сразу протрезвел. Была задета его профессиональная гордость убийцы. – Когда и в чем?

- Ты сказал, что с новым главным смотрителем маяка покончено.

- И повторяю это. Я раздавил его лодку своим пакетботом, как орех щипцами. Крак! – и все, только обломки по воде. Ты бы слышал этот звук, Фергюс! Просто мороз по коже.

- И среди этих обломков, по всей видимости, ты не заметил голову человека. И ему удалось спастись.

- Но это невозможно! – пробормотал потрясенный Грир. – Ночь, ледяная вода, на много миль вокруг ни клочка обитаемой суши... Да он сам Сатанатос, если смог доплыть до берега!

- Он человек, а это чрезвычайно живучие существа, - хмуро взглянул на него Фергюс. – Тебе ли это не знать, Грир. Тебе, истребителю людей! Сколько их на твоём счету?

- Я не считал, - с нескрываемой гордостью ответил Грир. – За то время, что я работаю на тебя, не меньше миллиона. Если начинать отсчет с тех трех смотрителей маяка на острове Эйлин Мор в начале прошлого века. Они были твоими кровными врагами, если мне не изменяет память.

- Замолчи, Грир, - поморщился Фергюс. – Кажется, ты уже успел напиться и несешь чушь.

- Ничуть ни бывало, - заупрямился Грир. - Во-первых, я не пьян. Во-вторых, мои слова может подтвердить вся команда «Летучего Эльфа». Рогов хорошо поработали в тот день. Люди, завидев их, в ужасе прыгали со скалы, но крыльев у них, в отличие от рогов, не было, и они разбивались о скалы. Кровь и мозги тут же смывали волны, они же унесли тела в море, а там их растерзали акулы. Чистое убийство! Знаешь, Фергюс, чистым я называю убийство, которое не оставляет следов, а потому его невозможно раскрыть. Люди вот уже более ста лет бьются над этой загадкой, и не могут ее разгадать. Мое преступление, как бутылка со старым вином, от времени становится только ценнее...

Грира уже не заботило, слушает ли его кто-либо, он говорил сам с собой все более заплетавшимся языком. Фергюс с отвращением смотрел на него. Он давно уже вынес приговор этому убийце, который был недостойн называться эльфом, возлюбив смерть превыше жизни, пусть даже и та, и другая были чужими. То, что Грир убивал по его приказу, Фергюса волновало мало. Грир, рассуждал он, мог отказаться. И тогда, в начале прошлого века, когда он, Фергюс, потеряв Арлайн, только начал мстить людям, но, не желая рисковать собственной жизнью, чужими руками. И сейчас, уже запятнав свои руки даже не по локоть, а по самые плечи в крови.

- А, в третьих, разве не ты ссудил мне денег, чтобы я смог построить на лондонских верфях своего «Летучего Эльфа»? – выбрался наконец из дебрей размышлений о преступлении как таковом Грир. Он ступил на твердую почву собственных преступлений. – Ведь это не обычный пакетбот, как кому-то может показаться. С виду – милая и очень миролюбивая малышка, перевозит почту. А подойдет поближе, развернется бортом, откинет тайные люки – и нате вам! Жерла пушек, как глаза Сатанатоса, уставились на свою жертву. Люди не успевают моргнуть, как их корабль получает залп ниже ватерлинии, затем еще, и еще, и еще – и на дно, на дно, на дно! И те, кто останутся в живых, позавидуют мертвым... Так говорил сам Сатанатос. Мне рассказывал об этом капитан-призрак, Филиппус Ван дер Витт. И не смей, говорить, Катриона, что я вру!

Фергюс вздрогнул, как лошадь от удара кнутом.

- Катриона? – переспросил он. – Грир! Почему ты произнес это имя?

- Потому что она называла меня обманщиком, - бессмысленно глядя на него, ответил Грир. Он все еще был в другой, своей реальности, далекой от этой комнаты. – А я никогда не обманываю. Ну, может быть, иногда. Но только не ее. А вот ее мать я бы обманул, и с преве-

ликим удовольствием. Она вся такая вежливая, воспитанная, добрая, но это все притворство. Отщепенка не может быть хорошей. Ты согласен со мной, Фергюс?

- Да, - буркнул тот. - В этом ты прав.

- А ведь так хорошо все начиналось, - с сожалением вспоминал Грир. - Такая славная эльфийка... Это я о Катрионе. Ведь я ее уже почти полюбил, Фергюс! И вдруг... Что мне делать, Фергюс, подскажи? Может быть, вернуться и попросить прощения?

- Не сходи с ума, Грир, - встряхнул его Фергюс, взяв за шиворот. - Если ты куда и обязан вернуться, так это на остров Эйлин Мор. И завершить начатое тобой дело. Новый главный смотритель маяка не должен встретить вечернюю зарю. От этого зависит судьба всего народа эльфов, а, быть может, и наше с тобой будущее.

- А потом к Катрионе? - с мольбой посмотрел на него Грир. - Ты не будешь против, Фергюс?

- Потом куда хочешь, можешь даже к Сатанатосу.

- Нет, к Сатанатосу я не хочу, - заупрямился пьяный эльф. - Я хочу к Катрионе. Да, кстати, Фергюс, в доме у Арлайн я видел твой портрет. То есть, не твой, а того, кем ты был сто лет тому назад. Так мне сказала сама Арлайн. Вот только не пойму, что она хотела этим сказать. А ты, Фергюс, понимаешь?

Фергюс побледнел. Он наполнил стакан доверху коньяком и со всего размаху выплеснул его в лицо Грира.

- А теперь убирайся отсюда немедленно, - сказал он, чеканя каждое слово. - На остров Эйлин Мор. Или я сам отправлю тебя к Сатанатосу, Грир.

Эта внезапная вспышка изменила обычно хладнокровного Фергюса до неузнаваемости. Он был страшен сейчас. И мог даже убить, рискни Грир возразить ему. Но Грир струсил. Не промолвив ни слова, он встал и, шатаясь, вышел из дома, не забыв прихватить с собой почти пустую бутылку коньяка.

Грайогэйр вошел в кабинет премьер-министра с видом побитой собаки, которая осознает свою вину и готова принять трепку от хозяина. Он даже внешне чем-то походил на бульдога - с такими же короткими кривыми, но очень крепкими ногами, мощными плечами и со свирепым взглядом, в котором чаще всего читалось желание вцепиться мертвой хваткой в горло своего собеседника.

- Видимо, я старею, пора на покой, - сказал он. - Если Арлайн и существует, то у нее нет ни телефона, ни электронной почты, ни скайпа, ни прочих ухищрений человеческой цивилизации.

- А она не могла... умереть? - с затаенной надеждой спросил Лахлан.

- Все мы смертны, - философски заметил Грайогэйр. - Но об этом лучше спросить у Катрионы.

- Нет, - отрезал Лахлан. - Она ничего не должна об этом знать.

Грайогэйр с затаенным любопытством посмотрел на него, но сразу же опустил взгляд.

- Есть одна зацепка, - произнес он нерешительно. - Некоторое время тому назад Катриона просила послать букет цветов по одному адресу. Она не успевала вернуться. Кому, по какому поводу - никто сказать не может. Послали тогда курьера в магазин цветов, он оформил заказ, и все забыли. Но адрес в базе данных компьютера остался. Не уверен, что это адрес ее матери. Быть может, друга. Или... В общем, не знаю. Но, за неимением ничего другого...

- А разве нельзя проверить, кто там живет?

- По этому адресу не зарегистрирован ни домашний, ни мобильный телефон, - пожал плечами Грайогэйр. - Телепортироваться опасно. А вдруг там люди? Свалимся, как снег на голову, потом хлопот не оберешься. А ты просил сохранить все в тайне. Если только послать машину... Но это далеко, за городом.

- Срочно мою машину к подъезду, - распорядился Лахлан. Надежда все больше крепла в нем. – Я еду сам.

- Мне тебя сопровождать? – спросил Грайогэйр.

- Нет, - отрезал Лахлан.

- Все-таки я начальник охраны посольства, - воспротивился тот. – А ты мой начальник, и тоже находишься под моей охраной.

- Вот и не забывай, что я твой начальник и могу тебя уволить, если ты не выполнишь мой приказ, - улыбнулся Лахлан через силу. – Лучше сделай так, чтобы ничто не помешало мне в пути.

Глава 14

Черный правительственный лимузин легко, как раскаленный нож масло, пронзал дорожное столпотворение. Другие машины уступали ему дорогу, полицейские отводили глаза в сторону, когда он проносился мимо. Грайогэйр доказал, что не зря получает щедрое вознаграждение за свою работу. Заклятие работало. Сам он в менее приметном автомобиле следовал в некотором отдалении за лимузином премьер-министра. Все, что происходило, Грайогэйру не нравилось. Но он привык скрывать свои мысли и чувства. Ему достаточно было делиться ими с эльбстом Роналдом, которому он регулярно докладывал обо всем, что происходило в правительстве суверенного государства Эльфландия. Лахлан, разумеется, об этом даже не догадывался. А Грайогэйр не находил нужным ставить его об этом в известность.

До дома, в котором жила Арлайн, они домчались намного быстрее, чем можно было предположить, если судить по карте. Нетерпение Лахлана словно подстегивало автомобиль. Он не замечал дороги, по которой они ехали. Он думал, что скажет Арлайн, если все-таки встретится с ней. Но когда лимузин бесшумно подкатил к ограде из кустов и мягко притормозил у зеленой арки, он так ни до чего и не додумался. А потому решил импровизировать в зависимости от обстоятельств.

Лахлан вышел из лимузина. Проходя под аркой, он задел плечом один из кустов, образующих живую изгородь. В одно мгновение на ветках появилось множество заостренных шипов, и они впились в него, как будто пытались удержать и не пустить. Лахлан отдернул руку, оставив на ветках клочки материи. Дорогой костюм был безнадежно испорчен. Кусты разочарованно зашелестели листвой. Лахлан поспешил пройти через арку. Сражаться с растениями не входило в его планы.

Теперь Лахлан не сомневался, что в этом доме живет Арлайн. Только эльфы могли заставить растения служить себе, превратив их в злобного и неподкупного стража своего жилища. Если бы он был человеком, кусты вцепились бы в него мертвой хваткой, разодрали одежду, исцарапали до крови, опутали ветками и кто знает, что бы с ним случилось потом. Но Лахлан не стал дожидаться, будут ли они снисходительнее к эльфу, а быстро прошел через маленький дворик к дому. Тот выглядел брошенным и нежилым, как будто хозяева покинули его уже давно. Не увидев ни звонка, ни дверного молотка, он постучал кулаком в дверь. Никто не ответил и не вышел на его стук. Он раздраженно ударил со всей силы. Заскрипев петлями, дверь неожиданно приоткрылась. Из темноты на него пахнуло ледяной сыростью морской пещеры, послышался заунывный свист ветра. Здесь явно никто не жил. И все-таки он вошел.

Лахлан сразу узнал пещеру Фингала. В прежние времена он часто бывал на острове Стаффа с Алвой, которой безумно нравилась «пещера мелодий», вымытая в скале морской водой и ветрами. Пещера пробуждала в его жене какие-то атавистические воспоминания, инстинкты древних эльфов. Они нередко предавались любви в ее потаенных расщелинах, среди каменных глыб, страшась, что их кто-то может увидеть. Это было необычно и волнующе. Но когда Лахлан стал премьер-министром, он прекратил подобные забавы. Он стал опасаться за свою репутацию. Но нередко с затаенной грустью вспоминал о тех беззаботных днях. В уютной и скрытой от чужих глаз супружеской спальне из их интимных отношений с Алвой исчезло что-то неуловимое, но бесценное. Им стало скучно.

Лахлан вздохнул. И увидел, что из глубины пещеры к нему идет Катриона. Она грациозно ступала по камням, ее золотые волосы сияли в полумраке. Только когда эльфийка подошла ближе, Лахлан понял, что ошибся. Глаза Катрионы всегда сияли неутолимой жаждой жизни. В глазах, которые смотрели на него, сияние поблекло, словно скрылось в туманной дымке.

- Приветствую тебя, Лахлан, - произнесла эльфийка. – Твой визит - честь для меня!

- Ты знаешь, кто я? – удивился премьер-министр.

- Ты забыл о товарищах своих детских игр, - грустно улыбнулась Арлайн. – Это не удивительно. Меня все забыли.

Лахлан смутился. Он действительно не помнил себя ребенком. Только какие-то отрывистые картины иногда возникали в его памяти. Ему пришлось много потрудиться, чтобы достичь своего теперешнего положения. Труды и заботы старят. Иногда ему казалось, что он живет уже тысячу лет. А детство... Если оно и было у него, то оставило по себе в памяти незаметный след. Алва всегда поражалась этому. У нее с детством были связаны ярчайшие воспоминания ее жизни. Она жалела Лахлана.

- Прошу меня извинить, - пробормотал Лахлан. Он чувствовал себя неловко. Если бы он когда-нибудь и решил пробудить воспоминания детства, то, разумеется, не в беседе с отщепенкой. – У меня к тебе важное дело. Оно касается твоей дочери. Если ты Арлайн.

- Я Арлайн, - кивнула эльфийка. – А ты говоришь о Катрионе? Она много рассказывала хорошего о тебе.

Лахлан нахмурился.

- Ей не следовало этого делать, - сказал он. – Мы с ней мало знакомы. Поддерживаем только официальные отношения. Не знаю, что она могла тебе рассказать обо мне.

- Вот как? – улыбнулась Арлайн. – Именно поэтому ты и приехал? Чтобы я могла лучше узнать тебя?

Лахлану не нравился этот разговор. Он был слишком дружеским. И он мешал ему напрямую перейти к цели его визита.

- Тебе это ни к чему, - почти грубо ответил он. – Мы никогда не станем друзьями.

- Почему же? – спросила Арлайн. Но в ее глазах голубая дымка сменилась темно-фиолетовой.

- Потому что...

Лахлан не договорил. Но лицо его было слишком выразительным, чтобы не понять окончание его фразы.

- Тогда что же тебе от меня надо, премьер-министр? – мягко произнесла Арлайн. – Не забывай, это ты в моем доме, а не я в твоём кабинете.

- Это справедливо, - согласился он. – Но я никогда не вошел бы в этот дом, если бы меня не тревожила судьба Катрионы. Я думаю, что и тебя тоже должно волновать ее будущее.

- Да, несмотря на то, что я погубила свою жизнь, будущее моей дочери волнует меня, - ответила Арлайн. – Ты это хотел услышать?

- Да, - кивнул он. – И лучше мы будем говорить без обиняков. Называть вещи своими именами. Это намного все упростит. И сэкономит мое время.

- Прошу тебя, премьер-министр, - с неуловимой иронией сказала Арлайн. – Говори, как есть.

- Арлайн, ты опозорила свой народ..., - начал Лахлан.

Но Арлайн гневно перебила его.

- Пусть даже так, - сказала она. – Но какое это имеет отношение к моей дочери? Это была моя жизнь. Она живет своей.

- Ты ошибаешься, - Лахлан почувствовал, как в нем начинает расти раздражение. – Ты рассуждаешь, как истинная отщепенка, лишенная корней. Ты презрела свой народ, семью. Но мы ничто без своего народа, без своих близких. Наши корни переплетены, они питаются соками друг друга. Отруби их – и мы зачахнем...

- Не продолжай, премьер-министр, - жестом остановила его красноречие Арлайн. – Пусть я отщепенка, и мой народ отверг меня. Но я... Я не отвергла свой народ. Моя вина только в том, что я полюбила человека. Сожалею ли я об этом, испытываю ли раскаяние – это не твое дело. Сделанного не воротишь. Жизнь не обратишь вспять. И я готова заплатить сполна все, что с меня причитается. Но при чем здесь моя дочь? Она невинна. Она истинная эльфийка – и по

рождению, и по духу. За что карать ее? Неужели эльфы стали как люди, и грехи отцов и матерей падают на головы их потомков до четвертого колена? О, Великая Эльфийка! Смиlostивься над своим народом!

- Не кошунствуй, Арлайн, - сурово потребовал Лахлан. – И запомни одну простую истину: пока ты жива, Катрионе придется нести с тобой твой тяжкий крест.

- Пока я жива, - прошептала эльфийка, побледнев. – Так вот ты зачем здесь!

- Не говори чепухи, - отрезал Лахлан. – Это ты сказала.

- Да, - покорно согласилась Арлайн.

Они замолчали. С отсыревшего потолка пещеры изредка срывалась тяжелая капля воды и с шумом падала на камни. Лахлан заторопился.

- Подумай над моими словами, - сказал он. – Мне кажется, ты хорошая мать, несмотря на то, что ты...

Он не договорил, попрощался легким наклоном головы и быстро вышел.

Арлайн незрячими глазами смотрела ему вслед. В них фиолетовый туман сменила непроницаемая тьма. Золотые волосы эльфийки потускнели, приняв цвет опавших осенних листьев.

За окнами заурчал мотор автомобиля. Потом все стихло, даже пение вспугнутых птиц. Только слабое эхо падающих капель раздавалось под сумрачными сводами пещеры, которая была домом Арлайн.

Глава 15

Арлайн ждала. Но Катриона не возвращалась, как обещала. Когда миновала полночь, Арлайн поняла, что дочь уже не придет. Она потеряла и ее, как раньше свою семью, свой народ, свою родину. Дочь она любила больше, чем кого-либо из мужчин, бывших в ее жизни. Однако из-за любви к человеку, который промелькнул в ее судьбе, как метеор по ночному небу, не оставив следа и уже почти даже памяти по себе, потеряла и ее. Круг замкнулся. Предопределение свершилось. Приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Оставалось только привести его в исполнение.

Арлайн не могла умереть от горя. Вероятно, эльфам это не дано, думала Арлайн, иначе она давно бы уже перешла в мир теней. Но она не хотела умереть от яда, пули, ножа, веревки, под колесами автомобиля – все эти средства, к которым прибегают люди, чтобы покончить жизнь самоубийством, ей казались отвратительными и постыдными. Жизнь эльфов, как и всех духов природы, долгая, во много раз превышает человеческую. Они тоже умирают, но медленно, исподволь, как бы растворяясь в воздухе. Очень старые духи становятся прозрачными, как слеза младенца. Зачастую их даже не приходится хоронить в земле или сжигать на костре...

При этой мысли Арлайн встрепенулась, как подраненная птица. Огонь! Как же она не вспомнила об этом раньше! В пламени сгорает все, и даже духи. В древние-преддревние времена те из них, кто уставал от долгой жизни, вставали на край жерла вулкана и бросались вниз, в кипящую лаву. Смерть была мгновенной, безболезненной и неотвратимой. Арлайн слышала об этом от своей матери, когда еще была ребенком. Но забыла. А сейчас вспомнила. И начала перебирать в памяти все известные ей вулканы.

Во времена, когда народ эльфов был молод, по всей земле дымилось множество вулканов. Из них еще и сейчас оставалось свыше тысячи трехсот действующих, периодически извергающих лаву. Вулкан Этна на острове Сицилии, который за последние 3 500 лет извергался более ста пятидесяти раз. Ключевская сопка на Камчатке в России. Мауна Лоа и Калауэа на Гавайских островах в Тихом океане. Вулканы были в Мексике, на Аляске, на острове Расса в Антарктике. Фудзияма на японском острове Хонсю. Ньирагонго в африканских горах Вирунга. Пожалуй, вулкан Гекла в Исландии был ближе всех к ее родному острову Эйлин Мор, но его последнее крупное извержение произошло более полувека назад, почти одновременно с Везувием близ итальянского Неаполя, а нового пока не предвиделось...

Вдруг Арлайн поняла, что обманывает саму себя. Ей ли, многолетней затворнице, бросаться на поиски извергающего лаву вулкана, чтобы покончить счеты с опостылевшей жизнью в его жерле! Если бы она была на это способна, она нашла бы в себе силы и жить. Но в том-то и дело, что жизненные силы ее иссякли, подточенные постоянным унынием и оплакиванием прошлого. Ей был нужен более простой и верный способ.

Дом давил на нее своим сумраком и одиночеством, которым пропитался, казалось, за многие годы ее затворничества от фундамента до крыши. Арлайн отдернула тяжелые портьеры, распахнула окно. Уже близилось утро, но все еще было темно. Луну и звезды скрыли тяжелые мрачные тучи. Где-то в отдалении гремел гром, предвещая грозу. Воздух сгустился, затрудняя дыхание. Грудь Арлайн бурно вздымалась, и все-таки она задыхалась. Она вышла во двор. Это было обычное время ее прогулок. Сейчас никто из соседей не мог ее увидеть, заговорить с ней. Люди спали в своих крошечных домиках, окна которых зияли черными провалами, как пустые глазницы пэн-хоу. Сверкнула молния, и осветила двор мертвенным отблеском.

И внезапно Арлайн поняла, как она может умереть. Молния! Вот что ей надо. Молния – это та же самая огненная лава, только небесная. Это близкая ей по духу субстанция. Всего одна вспышка – и от нее, Арлайн, останется только горсть пепла, которую подхватит ветер и развеет над землей. Это будет красивая и благородная смерть. Пусть она жила среди людей, и

даже любила одного из них, осквернив себя этим, но умрет она как настоящая эльфийка. Но для этого ей была нужна помощь Великой Эльфийки. Только праматерь всех эльфов способна приказать небесным духам направить без промаха молнию в свою блудную дочь.

Арлайн вынесла из дома все деревянные предметы, которые нашла, сложила их в беседке, увитой плющом. Получился настоящий алтарь. Огонь вспыхнул сразу, он весело затрещал, пожирая дерево, взбегая по растениям наверх. Вскоре вся беседка пылала, как гигантский жертвенный костер. Арлайн сняла с себя всю одежду. Оставшись нагой, она начала кружить вокруг костра, все убыстряя и убыстряя шаги. Ее волосы растрепались, глаза снова сияли голубым, как небо в солнечный полдень, светом. Она громко причитала:

- О, Великая Эльфийка! Во веки веков благословенно будь твое лоно, породившее некогда народ эльфов! Благословенна будь твоя грудь, вскормившая и продолжающая питать народ эльфов! К тебе вызывает одна из великого множества дочерей твоего народа, праматерью которого ты была!

Гроза, приближение которой предвещал далекий гром, разразилась. Молнии били уже одна за другой, но дождя еще не было, только одинокие капли падали на землю. Но они только разжигали пламя костра.

- О, Великая Эльфийка! Упокой мою голову на своих коленях, убаюкивающих в дни его младенчества народ эльфов. Будь милостива ко мне, отвергнутой народом эльфов. Снизойди с высоты своего величия к той, что ничтожнее всех дочерей твоего народа. Верни в свое лоно ту, что отвергли все, но не отвергнешь ты, как истинно любящая мать. Пусть сбудется проклятие твоего народа! И да падет оно на мою голову!

Молния, озарив полнеба, ударила в крышу дома. Сбитый ею флюгер упал на землю. Сухая крыша, лишенная громоотвода, вспыхнула, как спичка. Арлайн, белея гибким красивым телом в предрассветном сумраке, не остановила свой безумный танец, но только возвысила голос.

- О, Великая Эльфийка! Подвластны тебе все силы природы. Сожги меня и мой грех в очищающем небесном пламени! Это я, Арлайн, взываю к тебе! Услышь меня и порази всепроникающей молнией!

Беседка уже почти догорела, изредка вспыхивая и озаряя двор искрами. Зато дом запылал. Языки пламени охватили всю крышу, спустились по стропилам, проникли через открытое окно внутрь, разбежались по комнатам. Арлайн уже не кружилась по двору. Она встала на колени и, подняв руки к небу, шептала:

- Покарай меня молнией! Ибо не в силах больше сносить я проклятие народа твоего. Изнемогла. И да сгину я во веки веков!

Но вместо молнии из небес на землю посыпался град, неожиданный в это время года. Уже не мокрые капли, а осколки льда размером с горошину, подгоняемые порывами ветра, хлестали Арлайн по обнаженному телу, истязая ее плоть и подвергая жестокому испытанию дух.

- О, Великая Эльфийка, и ты против меня! – возопила Арлайн, рыдая. – Тогда я сама покараю себя во славу твою! Духи огня! Примите меня!

Она поднялась с колен и пошла, не замечая, что шагает по раскаленным углям от догоревшего жертвенного костра. Дом был уже весь охвачен огнем снаружи. Он представлял собой огромный факел, стремящийся языками пламени в небеса. Но дверь его была настежь распахнута, как будто в ожидании Арлайн. Казалось, сам Верховный Дух огня звал ее к себе, чтобы слиться с ней в экстазе последнего, прощального танца. И она, как бесстрашная саламандра, шагнула в его разверстую, пышущую нестерпимым жаром, огнедышащую пасть.

И в то же мгновение хлынул искупительный дождь...

Глава 16

Путь до маяка показался Борису восхождением на Голгофу и продлился целую вечность. Скалистый, скудно заросший травой остров Эйлин Мор усеивали камни, скользкие от влаги, опасные и непредсказуемые. Колено, которое Борис ударил при падении, едва сгибалось. Пред-
рассветный туман, внезапно опустившийся на остров, уменьшил видимость на расстояние вытянутой руки. Много раз Борис, отчаявшись, решал, что не сделает больше ни шага. Но, передохнув, снова шел.

Все-таки это не был путь на Голгофу, потому что в завершение его Бориса ждали отдых, завтрак и сон в теплой постели. И как бы ни труден был каждый шаг, но это было лучше, чем сидеть на влажных камнях, дрожа от холода и голода и проклиная свою судьбу в ожидании, пока взойдет солнце.

Когда Борис поднялся на вершину холма и увидел тропинку, которая плавным изгибом вела к каменной ограде, окружавшей маяк, то не смог даже по-настоящему обрадоваться, настолько он обессилел, вымок, продрог и отчаялся. Все это время он был одинок во Вселенной. Но тропинка была проложена людьми. Она приободрила его. Чувство одиночества исчезло. И он даже прибавил шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.